

ВИКТОР
ШИБАНОВ
• СЕРГЕЙ •
БЕЛОУСОВ

Черная
троица

Заблудитесь ли вы

Виктор Шибанов Сергей Белоусов Черная троица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169634

*Виктор Шибанов, Сергей Белоусов «Черная троица»: АСТ, АСТ
МОСКВА; Москва; 2008*

ISBN 978-5-17-049434-7, 978-5-9713-8384-0

Аннотация

Этот мир ждет.

Ждет грядущего, описанного в священных книгах ужаса Апокалипсиса. Скоро, очень скоро должны явиться в него три порождения Предвечного Зла, которых именуют Черной тройкой.

Бессильны будут перед ними и клинки лучших рыцарей-храмовников, и вера монахов многочисленных укрепленных аббатств.

Пророчество гласит: силу Тьмы способен остановить только Избранный, коему дарована сила самого Спасителя.

Но где и как отыскать этого Избранного?

Ведь Черная троица уже стучится во Врата Мира.

Времени остается все меньше – и священную миссию поневоле взваливает на свои плечи юный послушник захолустного аббатства Умберто...

Содержание

ПАЛОМНИЧЕСТВО В АД	4
Акт I	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Акт II	41
Глава 4	41
Глава 5	50
Глава 6	59
Глава 7	69
Глава 8	77
Акт III	89
Глава 9	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Сергей Шибанов, Сергей Белоусов Черная троица

ПАЛОМНИЧЕСТВО В АД

Акт I

Глава 1 Горная обитель

– Пошевеливайтесь! После захода солнца в Обитель никого не впускают! – Капитан отряда, охраняющего караван, пришпорил коня и поскакал назад.

Там сцепились две телеги, и караванщики, отчаянно ругаясь, пытались их растащить. Все – и люди, и животные – устали за долгие дни пути. Однако спешили, как могли, надеясь до наступления ночи укрыться за прочной оградой города-монастыря – Обители Прохода Тысячи Мучеников. Массивные зубчатые стены, высокие башни большого собора за ними и тонкие шпили малых часовен, казавшиеся продол-

жением возвышающихся впереди мрачных гор, можно было различить еще с утра.

Брат Умберто вздохнул и продолжил молитву. Его пугал шум мирской жизни. Проведя почти половину из своих двадцати пяти лет в аббатстве Святого Галаты, он и дальше охотно оставался бы там. Но для посвящения в Первый Круг, чтобы иметь право присутствовать при всех Таинствах, молодому послушнику надо было совершить паломничество к Алтарю Дориэля в Восточном Приюте.

– Святой отец! Купите яблочек! Они хоть прошлогодние, но очень сочные!

Лошадь брата Умберто как раз обгоняла телегу, нагруженную яблоками и грушами. Парой волов, которые везли повозку, правила молодая крестьянка. На смутившегося послушника лукаво смотрели карие глаза, а миловидное, хоть и немного худощавое лицо украшала веселая улыбка. Из-под головного платка выбивалась прядь темных, словно вороново крыло, волос, оттеняя непривычный для этих мест бронзово-золотистый цвет лица девушки. Брат Умберто растерянно улыбнулся в ответ, за что тут же был награжден еще одной лукавой улыбкой:

– Возьмите, святой отец, всего половина серебряного флориана за целую корзинку! Вы, наверное, устали и голодны с дороги, а ведь и монахам не возбраняется есть яблоки...

Брат Умберто, невольно очарованный обаянием невысокой крестьянки, уже полез было за монетой, но все же оста-

новился и, с легкой грустью покачав головой, тронул пятками свою кобылу. Путь ему предстоял еще неблизкий, а аббатство Святого Галаты славилось более добродетелью, нежели богатством. Да и, кроме того, еще два дня, согласно данному обету, он не мог вкушать ничего, кроме хлеба и воды, а обеты свои брат Умберто старался блюсти строго.

За последние несколько дней караван вырос почти вдвое. Жители окрестных деревень, которым надо было попасть в Обитель, пользуясь удобным случаем, присоединялись к каравану. Так было безопаснее – с приходом весны нечисть зашевелилась. По слухам, Клань уже напали на несколько поселений.

Шум впереди внезапно смолк. Брат Умберто с любопытством, не достойным Посвященного, но простительным послушнику, посмотрел направо. И тут же отвернулся, осеня себя знаменем Копья и шепча задрожавшими губами поминальную молитву. Рядом с дорогой на земле уродливо чернели огромные выжженные круги. Посреди двух самых больших стояли обгоревшие остовы двух повозок, внутри остальных лежали обугленные тела несчастных путников.

– Клан Огня. – Лошадь Умберто замедлила ход, и он снова поравнялся с телегой, на которой ехала веселая торговка яблоками. – Этим, – она кивнула на трупы, – еще повезло.

– Повезло? – ужаснулся молодой монах.

– Ну да. Пленных они подвешивают за ноги, а затем...

Брат Умберто, не дослушав, поскакал вперед. Беспечный

тон девушки поразил его, но куда больше удивил странный блеск в глазах.

Увиденное заставило путешественников еще сильнее погнать своих лошадей и волов, хотя дорога теперь довольно круто стала подниматься в горы. Уже можно было ясно различить городские ворота. Даже капитан стражи облегченно вздохнул – они успели, солнце стояло еще достаточно высоко.

Пыльная утоптанная дорога сменилась булыжной мостовой. Серыми скалами возвышались две привратные башни. Однако, когда до ворот оставалось несколько десятков локтей, низкий рев трубы разорвал вечерний воздух, гулким эхом отдаваясь в ущелье. Огромные створки вздрогнули и стали медленно закрываться.

– Стойте! Солнце еще не село! – закричал капитан, пуская коня в галоп.

– Позавчера Наместник приказал запирать ворота на час раньше, – проворчал один из стражников, пожилой воин с уродливым шрамом, перекосившим лицо. Створки, однако, остановились.

– Позвольте нам войти, мы быстро. – Купец, которому принадлежала большая часть повозок каравана, многозначительно позвенел поясом. Капитана охраны он предусмотрительно оттер назад плечом – возмущенный вояка уже сжимал пальцы на рукояти меча. – Пошлина двойная, понимаем-понимаем. Время-то и впрямь позднее, но, сдастся мне,

до захода солнца еще чуть больше часа – как раз нам проскочить.

– И впрямь ошиблись, пожалуй, – почесал затылок стражник, протягивая другую руку за монетами. – Тогда, значит, по два фартунга с каждого колеса, по одному с копыта и по четыре с человека. Сам считаешь али помочь?

– Конечно, считаю, – масляно улыбнулся купец и, обернувшись к остальным, совсем другим голосом рявкнул: – А за себя, голодранцы, сами платите. И так задарма с моей охраной ехали!

Брат Умберто отсчитал восемь фартунгов и уже почти въехал в ворота, когда услышал сзади знакомый голос:

– Да откуда я вам на пошлину наберу? Наторгую, тогда и отдам. А то, может, яблочками возьмете? Яблочки отменные, прямо сахарные. – Это была та самая девица, которая теперь безуспешно пыталась объехать двух дюжих стражников.

– Яблочки себе оставь. Хотя, пожалуй, можешь заплатить за въезд кое-чем другим, – заржал начальник городской стражи и ущипнул девушку.

– Ах ты старый...

Договорить возмущенная крестьянка не успела – со стороны гор донесся долгий тоскливый вой. Начавшись на пронзительно высокой ноте, он закончился низким утробным рычанием. Испуганно заржали кони, женщины завизжали, многие воины побледнели. Даже невозмутимые обычно

волы беспокойно затопали копытами.

– Я заплачу, – с удивлением услышал Умберто собственный голос. С невольным вздохом он протянул двадцать монеток. В кошеле осталось всего с десяток медяков – а путь еще предстоял неблизкий.

– Давайте шевелиться! – заорал командир стражи. Последняя повозка въехала в город, и огромные ворота с глухим стуком закрылись. Тут же на них наложили три тяжелых, окованных железом засова.

За массивными каменными стенами начинались Внешние галереи. Это была еще не сама Обитель, а, скорее, обычный город. Сюда допускали любого, не важно, имел он какое-то отношение к Обители или нет. Со временем старые монастырские постройки были снесены, и на их месте возникли гостиницы, постоялые дворы, склады и даже пара таверн. Так Обитель Прохода Тысячи Мучеников постепенно превратилась в важный торговый форпост на восточном Торговом пути.

Вот и сейчас, несмотря на поздний час, узкие улицы и проходы Внешних галерей были полны людьми. Тут и там, разложив свой товар, зазывали покупателей мелкие торговцы. Спешили загнать в высокие ворота постоялого двора телеги с зерном погонщики. Трое вышедших из невысокой гостиницы купцов, облаченных в непривычные для Восточного графства синие шаровары и отороченные мехом рубахи, что-то шумно обсуждали:

– ...почти вдвое по сравнению с прошлым годом. Вдвое дороже! – донеслись до проезжавшего мимо них брата Умберто обрывки их разговора.

– Еще бы! А разве может быть по-другому, когда за последние три месяца только Клан Огня разорил четыре фермы!

– Да и воинов Клана Мяса, я слышал, видели всего в дне пути отсюда. Еще бы шерсть не подорожала. И ячменя в этом году, говорят, немного соберут...

– Спасибо, добрый человек, – раздался за спиной голос девушки. – Если я могу чем-нибудь тебе помочь...

– Благодарю, дочь моя, я здесь впервые, подскажи, как мне проехать к отцу-настоятелю?

Девушка лукаво улыбнулась, услышав «дочь», но ответила вполне серьезно:

– Вот по этой улице надо проехать вверх, повернуть во второй переулок направо, затем еще раз в первый переулок направо. Я бы с радостью проводила тебя, но моя повозка там не пройдет.

– Не стоит утруждаться... И да пребудет с тобой защита Святого Копья, – пробормотал Умберто, отчего-то смущаясь все больше и больше.

– Спасибо, святой отец, – улыбнулась девушка.

– Меня зовут брат Умберто, – уже отъехав, зачем-то крикнул послушник.

– А меня... – Но порыв холодного ветра, налетевший с

гор, унес слова молодой крестьянки прочь.

Если бы не подсказка девушки, Умберто вряд ли успел бы до ночи найти Обитель. Но вот улочки и арки Внешних галерей остались позади. В наступивших сумерках брат Умберто увидел наконец тяжелые створки ворот массивной ограды самой Обители. Спешившись и взяв лошадь под уздцы, подошел он к закрытым воротам и постучал по ним тяжелой колотушкой, которая висела рядом на цепи. Сначала никто не отзывался, но после повторного стука приоткрылось зарешеченное деревянное оконце. В нем в свете факела блистали черные глаза.

– Час поздний, путник, и монастырь уже закрыт для посетителей. Мир тебе, и приходи завтра, через час после рассвета. Тогда и помолишься в соборе.

– Во имя Создателя и Спасителя, я брат Умберто из аббатства Святого Галаты! Скромно прошу о ночлеге, – с некоторой тревогой и опасением в голосе ответил Умберто. Останавливаться в гостинице такого большого и незнакомого города ему совсем не хотелось. Да и денег на ночлег могло не хватить.

– Из аббатства Галаты, говоришь? – вновь послышался из-за решетки голос, в котором звучало неприкрытое сомнение. – А как называется малая часовня в вашем аббатстве?

– Архангела Гатриэля... – недоуменно ответил на неожиданный вопрос Умберто.

Ворота заскрипели и приоткрылись, из них высунулся то-

щий жилистый монах со всклоченной бороденкой и бегающими глазами. Еще раз оглядев высокую худошавую фигуру брата Умберто, поспешно скинувшего с головы капюшон своей серой дорожной рясы, привратник уже более дружелюбно сказал:

– Не обижайся, брат Умберто. Я брат Игнасио, привратник монастыря. Сам знаешь, времена нынче какие. Даже здесь, в Обители, мы вынуждены теперь запирать ворота на ночь. Ох, тяжкие времена... Ну, проходи, брат. Лошадь свою давай сюда, о ней позаботятся. А о тебе позаботится брат Отус, его келья первая в Южной галерее.

– Я бы хотел поприветствовать отца-настоятеля и передать ему послание от настоятеля моего аббатства, отца Моррия.

– Сегодня вечером его пригласил Наместник, так что свое почтение и послания ты сможешь передать ему только завтра утром, – криво улыбнулся Игнасио и как-то странно повел рукой. При этом он внимательно посмотрел на Умберто.

– Жаль, – вздохнул молодой послушник.

– Действительно, жаль, – разочарованно пробормотал себе под нос привратник.

Брат Отус, келарь Обители Прохода Тысячи Мучеников, был, как и положено любому келарю, примерно одного размера во всех направлениях.

– Приветствую тебя, брат Умберто, да пребудет над тобой благословение и свет Небес, – маслянисто поблескивая гла-

зами, сказал он. – Спокоен ли был твой путь?

– Не совсем, брат Отус, зло становится все сильнее. И чем дальше на Восток, тем больше оно крепнет. Но мне не хотелось бы, с твоего позволения, сейчас вспоминать о дороге. Подскажи, что мне сейчас надобно делать?

– Устав нашего монастыря предписывает прибывающим паломникам духовного звания провести всю ночь в молитве в Часовне Святой Крови. Этим, как ты знаешь, мы воздаем хвалу нашему Спасителю, очистившему своей кровью наши земли от скверны мерзкого демона Тантариэль. Впрочем... – продолжил Отус, показывая утомленному Умберто его крохотную келью, – ты прибыл издалека, устал, нуждаешься в отдыхе. Не лучше ли нам вместе пройти в трапезную, где...

– Нет-нет, – поспешно ответил Умберто, – данный мне обет не позволяет пока вкушать яства, и я с удовольствием проведу ночь в часовне.

– Ну, как тебе будет угодно, брат мой, – вздохнув, ответил тучный келарь. – Послушник Виктус сейчас проводит тебя туда. А вот и он.

Следуя за молодым послушником, брат Умберто пересек большой двор Внутренних галерей. Пройдя рядом с серой громадой собора, из открытых дверей которого доносились звуки гимнов вечерней службы, они свернули в сторону и вскоре попали в небольшую галерею, круто поднимающуюся куда-то вверх. Было уже темно, однако проводник шел уверенно вперед, и молодой паломник старался не отставать ни

на шаг. Наконец галерея кончилась, и на фоне закатного неба монах увидел силуэт небольшой часовни, приютившейся на самом краю крутого обрыва. Холодный порыв ветра сбросил с его головы балахон и наполнил легкие острыми запахами трав, но молчаливый провожатый уже вошел в часовню. Брат Умберто, вдохнув полную грудь чистого горного воздуха, поспешил за ним.

Часовня была небольшая, в длину и ширину не более трех десятков локтей. Солнце закатилось, и не могло уже через витражи в островерхой крыше осветить внутреннее убранство маленькой комнаты. Послушник поспешно зажег от факела полдюжины свечей на двух массивных подсвечниках, положил на скамеечку книгу псалмов и, сказав, что ночные бдения кончаются со вторым утренним ударом колокола, также торопливо вышел.

Оставшись один, брат Умберто, насколько позволяло скудное освещение, осмотрел строгую обстановку часовни. Потолок церкви терялся в сгустившемся уже мраке. Впереди возвышался небольшой алтарь, на котором красками мастерски была изображена известная сцена победы Спасителя над Кровавой Паутихой. Больше в часовне, кроме нескольких скамеек и четырех больших напольных подсвечников, которые, по-видимому, использовались во время праздничных служб, не было ничего. Умберто вернулся обратно к алтарю, поправил свечи и, раскрыв Псалтырь, нараспев начал читать псалмы.

Наверное, прошло не менее двух часов, и брат Умберто уже добрался до девятнадцатого псалма, воспевающего светносное Копье Спасителя, когда ему вдруг стало казаться, что кто-то тихонько вторит его негромкому пению. Молодой послушник замолк на мгновение, и странное эхо тоже затихло. Однако спустя несколько секунд оно раздалось снова, и теперь совершенно точно без помощи голоса самого брата Умберто. Юноша, отложив в сторону Псалтырь, встал и пошел ближе к двери. Неясное пение почти утихло, но не смолкло вовсе. Когда Умберто снова преклонил колени у алтаря и вознамерился продолжить чтение, пение чуть усилилось. Поняв, что звуки исходят из-под пола часовни, Умберто долго колебался, но в конце концов любопытство взяло верх. Взяв в руки свечку, он опустился на пол и стал внимательно его осматривать. Тот был выложен грубыми, но хорошо подогнанными плитами локтя два шириной и длиной. Однако все поиски были безрезультатны, и никаких щелей или отверстий Умберто не обнаружил. Да, звук у пола был громче, но не более того.

Хотя неудовлетворенное любопытство подобно болящему зубу, но брат Умберто решил вытерпеть эту боль. С грустным вздохом поставил он свечу обратно в подсвечник и потянулся за Псалтырем. Но в темноте он немного не рассчитал своего движения и зацепил широким рукавом рясы за край подсвечника. Раздался треск разрываемой ткани, но рукав не только распоролся – сильно сдвинулся и сам подсвеч-

ник, а вслед за этим раздался металлический скрежет. Под полом что-то затрещало, и одна из плит, рядом с алтарем, стала медленно отъезжать в сторону, открывая провал подземного хода.

Звуки песнопений заметно усилились.

Глава 2

Подземный алтарь

Неяркий свет от горящих свечей выхватил из темноты разверзшегося потайного хода пару ступеней. Сыростью и тлением повеяло оттуда на послушника. В удивлении смотрел брат Умберто на открывшийся тайник. Зачем, от кого надо было прятать спуск в подвал часовни? И кто пел эти псалмы, слов которых он не мог различить? Мелодия их казалась странной, незнакомой и отчего-то пугающей. Что же там? Склеп или еще одна молельная комната – для Посвященных во Внутренний Круг Братства?

Брат Умберто давно слышал странные истории о таинственных отшельниках-келейниках, обитающих в этом монастыре. Обладая великой духовной силой, они скрывались от нескромных глаз непосвященных в монастырских подземельях. Неужели он сможет хотя бы издали увидеть кого-нибудь из этих могущественных братьев, услышать их обращенные к Создателю молитвы!

Любопытство недолго боролось с опасением нарушить

уединение отшельников. Испытание приблизиться к тайне оказалось слишком велико. Умберто, взяв в одну руку подсвечник, другой подобрал полы длинной рясы и стал осторожно спускаться по крутым ступеням во мрак подвала часовни.

Ступени все время забирали влево, и Умберто понял, что идет по узкой винтовой лестнице. Она обвивалась вокруг каменного столба, служившего, по-видимому, опорой для пола часовни.

Сойдя по меньшей мере на пятнадцать локтей вниз, брат Умберто оказался в длинном узком коридоре, который широкими ступенями спускался дальше, хотя и не так круто, как винтовая лестница. Звуки песнопений меж тем еще больше усилились, и хотя слов еще нельзя было разобрать, но стало слышно, что звучат два голоса. Это несколько смущало Умберто, который почему-то ожидал увидеть здесь одинокого затворника, но он все же осторожно продолжил свой путь.

Пройдя еще шагов тридцать, брат Умберто достиг места, где коридор раздваивался. Влево уходили какие-то высокие ступеньки, а вправо коридор шел по прямой. Так как голоса, судя по всему, доносились справа, послушник повернул туда. Однако, чтобы легче было потом вернуться, он продолжил путь только с одной свечой, оставив подсвечник с двумя другими на развилке.

Вскоре вдалеке Умберто заметил мерцание факелов и, об-

радованный близкой встречей (ибо к этому времени он уже осмелел настолько, что решил не только издали посмотреть на отшельников, но и попросить их благословения на свое паломничество), пошел быстрее.

Теперь голоса до брата Умберто стали доноситься уже отчетливо, и он смог наконец разобрать то, о чем пели невидимые пока затворники. Один из голосов, не прерываясь ни на миг, тянул какую-то мрачную мелодию. Второй же, немного надтреснутый и скрипучий, вторил первому, произнося в такт слова гимна. Но к ужасу брата Умберто, слова эти не имели ничего общего со стихами из Псалтыря Утешения и Спасения. Нет, это было нечто прямо противоположное.

Мрак и зло на мир сойдут,
Тьмы Владыки к нам придут.
Смерть и муки, кровь и пепел.
Ночь покроет все на свете.

Испуганно забилося сердце бедного брата Умберто. Так, значит, вот какие затворники обитают в подвалах этого древнего монастыря! Нет, нет, скорее прочь отсюда! Скорее прочь! Как можно быстрее выбраться наверх, добраться до кельи отца-настоятеля или хотя бы найти кого-нибудь из братьев и сообщить им о нечестивых злопоклонниках, призывающих под сводами церковного подземелья поверженных Спасителем Владык зла, Неназываемых, Черную Троицу!

Проклиная в душе свое так не вовремя проснувшееся лю-

бопытство, брат Умберто уже повернул было назад, как пение смолкло, и наступившую тишину разрезал словно приглушенный чем-то женский крик. Вновь все стихло, потом вскрик повторился, слышались какие-то непонятные звуки, после чего песнопения зазвучали опять.

В ужасе бросился бежать прочь брат Умберто. Скорее, скорее позвать кого-нибудь на помощь, привести подмогу, призвать братьев монахов, кликнуть стражу. Мысли Умберто путались, страх и стремление выбраться наружу пересиливали все остальное.

Бегство брата Умберто было столь поспешным, что свеча в его руке, мигнув крохотным язычком пламени, погасла. Осторожно касаясь руками стен коридора, перепуганный послушник как мог быстро двигался вперед, вглядываясь – не виден ли впереди свет оставленного подсвечника. Но, увы, перед ним была сплошная темнота. Когда под его ногами что-то звякнуло, Умберто с ужасом понял, что это и есть его подсвечник – вероятно, случайное дуновение погасило горевшие в нем свечи. Однако теперь он представлял, где находится – выход был уже близко.

Сделав еще несколько неуверенных шагов, послушник зацепил ногой за ступеньку. В панике забыв о боковом проходе и решив, что перед ним спасительный выход наружу, брат Умберто поспешно, на четвереньках, стал подниматься вверх. И только преодолев последнюю ступеньку, он понял свою ошибку. Нет, наверху его встретил не приветли-

вый полумрак часовни. Брат Умберто оказался в узкой галерее, освещенной с одной стороны через полукруглые каменные арки идущим откуда-то снизу неровным светом факелов. Затхлостью и сыростью веяло оттуда. Там же, внизу, слышались голоса. Теперь уже совершенно отчетливо брат Умберто слышал, как скрипучий голос выводил:

В прах живое обратится,
Брат на брата ополчится.
Кровь наполнит русла рек,
Никому спасенья нет.

Повинуясь какой-то неведомой силе, брат Умберто, вместо того чтобы без оглядки броситься назад, в спасительную тьму, на цыпочках приблизился к ближайшей арке. Внутри нее, словно в нише, стоял покрытый вековым слоем пыли большой каменный саркофаг. Затаив дыхание и стараясь держаться в тени, брат Умберто прокрался к нему и осторожно выглянул поверх треснувшей крышки.

В колышущемся, но довольно ярком свете десятка воткнутых снизу факелов молодой монах разглядел, что находится на галерее, окружающей второй уровень подземного склепа. Внизу же, на первом уровне, он увидел трех человек, облаченных в черные рясы. По периметру склепа в неглубоких каменных нишах стояли саркофаги, по десятку у каждой из стен. Еще один, самый большой саркофаг, крышка которого была украшена какой-то непонятной скульптурой, сто-

ял в торце склепа. К этой скульптуре и была привязана молодая женщина. Ноги ее едва касались пола, руки – заломлены назад и связаны вокруг статуи, платье надорвано на плечах, а в рот засунут кляп из тряпок, почти полностью скрывавший лицо. Парализованный страшной картиной, смотрел брат Умберто на то, как один из злодеев проверяет крепость стягивающих руки девушки веревок.

Тем временем пение стихло, и лишь один из троих скрипучим голосом продолжал быстро произносить то ли свою черную молитву, то ли какое-то заклинание:

Власти мрака не избежать,
Силы тьмы не превозмочь.
В жертву мы принять вас просим
Человеческую дочь.

Под звуки этих ужасных строф третий, самый толстый из этой троицы, подошел к треснувшему саркофагу у дальней стены и постучал костяшками пальцев по крышке. Стук эхом разнесся по склепу, и в ответ изнутри что-то тихонько зашуршало. Из трещины показался какой-то черный комок размером с голову ребенка, и вызвавший это существо человек осторожно взял его.

Паук! Огромный паук – с омерзением понял брат Умберто, когда тварь восемью суставчатыми лапами уцепилась за руку толстяка. А тот, осторожно неся чудовище перед собой, направился к несчастной девушке. Видя приближение заку-

танного в черную рясу толстяка с шипящим пауком на руке, девушка замычала сквозь кляп и задергалась в путах, не отрывая полных ужаса глаз от мерзкого чудища. А толстяк, подойдя вплотную к жертве, аккуратно, и словно бы даже почтительно, посадил гигантского паука на обнаженное плечо извивающейся жертвы.

Весь страх и ужас, всю жалость и отвращение вложил в свой крик брат Умберто. Словно бы сами сорвались с его уст истошные вопли:

– На помощь!!! Во имя Спасителя!!! Стража!!! Помогите!!!

Замерли от неожиданности внизу закутанные в черные рясы. Отпрянул от девушки толстяк, растерянно озирались по сторонам двое других. И только сама жертва, парализованная ужасом, наблюдала за мерзким существом, медленно ползущим к ее шее.

Испуганно зажал свой рот брат Умберто. Растерянность трех облаченных в черное фигур сменилась решительностью. Не слыша ответных откликов, топота сапог и бряцания оружия, худой сектант, исполнявший призывающее заклятие, крикнул:

– Наверху! Их не может быть много! Живо наверх!

– А как же она? – показывая на трепещущую девушку, быстро спросил толстяк.

– Дело почти уже сделано, схвати или удержи шпиона, – бросил в ответ чтец гимна.

Подхватив валявшиеся неподалеку на полу дубинки, толстяк и его помощник устремились к выходу. Тощий же гимнопевец выхватил из-за пазухи короткий кинжал и, изредка оглядываясь на застывшую на саркофаге жертву, стал медленно приближаться к тому месту, откуда слышал крик.

«Все, пропал! – мелькнула в голове брата Умберто паническая мысль. – Ну почему, почему я не побежал к выходу? О, будь проклято мое любопытство! Сейчас эти двое забегутся на галерею – и что я смогу поделаться с ними, голыми руками против дубинок?!»

Незаметно для себя юноша подошел к самому краю галереи. В конце коридора уже замерцало пламя факелов, которые несли преследователи. Почувствовав, что ноги скользят по сырому полу, Умберто взглянул под ноги и с ужасом увидел, как третий сектант, стоя почти под ним, отводит руку с ножом для броска. Послушник вздрогнул, пошатнулся и полетел вниз.

Дорожная сандалия брата Умберто была сработана на совесть. Не зря трудился над ней старенький брат Омус из аббатства Святого Галаты. Крепкая деревянная колодка подошвы угодила костлявому сектанту прямо в темя. Падая, брат Умберто увидел мелькнувший на острие клинка отблеск света. Но кинжал уже выпал из руки оседающего на пол злодея. Сильно ударившись локтем и бедром, Умберто приглушенно вскрикнул, но, преодолевая боль, тут же вскочил на ноги и бросился к лежащему подле клинку. Против-

ник его, к счастью, был без сознания. Капюшон рясы слетел с лица отступника, и юноша с изумлением узнал привратника монастыря, брата Игнасио.

Но времени на удивление у брата Умберто не было. Прихрамывая на ушибленную ногу, монах поспешил к привязанной девушке. Зажав в руке кинжал, ударом его рукояти он сшиб обхватившее ее горло мерзкое чудовище. На шее несчастной остались две маленькие кровоточащие ранки. Умберто запрыгнул на крышку саркофага, одновременно пытаясь разрезать клинком веревки и вынуть у смотревшей на него обезумевшими глазами девушки изо рта кляп. И не меньше, чем при виде брата Игнасио, он поразился, узнав в пленнице ту самую крестьянку, за которую заплатил пошлину на въезде в Обитель.

Сверху со стороны галереи послышались шаги и шумное дыхание.

– Скорее, – тихо шепнул Умберто девушке, – у нас всего несколько мгновений.

Схватив наполовину лишившуюся сознания крестьянку за руку, монах бросился к выходу. По пути, не успев даже удивиться неизвестно откуда взявшейся смелости и решительности, брат Умберто выхватил из расщелины в стене один из факелов и, таща за собой девушку, выскочил из склепа.

Уже свернув в коридоре к выходу, брат Умберто услышал позади себя яростные крики. Очевидно, толстяк со сво-

им помощником увидели распростертого внизу привратника. Гадая, сколько у них еще остается времени, послушник со своей спутницей достигли винтовой лестницы и устремились вверх.

Наконец впереди замелькал приглушенный свет пламени восковых свечей, горящих в часовне. Брат Умберто, преодолев последние ступеньки и рывком подтянув наверх запыхавшуюся девушку, бросился к памяtnому подсвечнику. С силой он дернул его в сторону, но ничего не произошло – проход не захотел закрываться. Очевидно, еще один рычаг был где-то внутри. Но в подземелье брату Умберто возвращаться совсем не хотелось.

– Бежим! – крикнул он в отчаянии. – Главное – добежать до келий. Братья защитят нас! Надо поднять тревогу...

– Меня... – всхлипывая и поправляя разорванное платье, тихо произнесла девушка, – меня, кажется, вели другим путем. Они схватили меня у гостиницы святого Эктора, во Внешних галереях. Кто-то выскочил из подворотни и... Но, кажется, там, внизу, есть еще один вход. Наверно, они не осмелятся прийти сюда... Извини, но не тот ли ты юноша, который?... – вдруг, улыбнувшись, спросила она.

– Да, это я, Умберто... Брат Умберто, из аббатства Святого Галаты, – ответил, смутившись, монах, после чего, опомнившись, быстро сказал: – Нам надо бежать! Кто знает, на что они способны. Один из них – местный привратник. Мы должны предупредить настоятеля.

– Да, ты прав, – поднимаясь на ноги, ответила девушка.

Уже подбежав к двери, брат Умберто обернулся и несмело спросил:

– В прошлый раз я не расслышал, как тебя...

– Я – Анти, – снова улыбнулась девушка.

Еще спускаясь по крытой галерее, брат Умберто понял – в монастыре что-то произошло. На маленькой площади перед главным собором метались люди. Суетились, крича, монахи на галереях вдоль келий. Тут и там в свете многочисленных факелов сверкали оружие и доспехи охранников Внешних галерей. Где-то за стенами монастыря заревом отражалось в небе пламя пожара. Сверху, с огромной башни собора, тяжело и тревожно доносились удары колокола.

Выбежав на площадь, брат Умберто и спешившая за ним Анти попали в водоворот перепуганных кричащих людей. Молодой монах бросился к одному из них, потом к другому, пока ему не удалось схватить за кожаную перчатку одного из стражников. Это оказался уже знакомый начальник привратной стражи, лицо его было залито кровью из рассеченной брови.

– Что тут произошло? Что случилось? – стараясь перекрыть общий шум, крикнул брат Умберто.

– Клан Крови! Час назад они ворвались во Внешние галереи! – быстро ответил воин. – Бегите, святой отец, настоятель велел пока всем укрыться в соборе! – добавил он и побежал к воротам.

– В собор, Анти, спрячемся там, – поспешно обернувшись, крикнул Умберто, но девушки рядом с ним уже не было.

Глава 3

Брат Винциус

– Итак, брат Умберто, то, что ты видел сегодня ночью, несомненно, очень важно, – произнес после долгого молчания настоятель. Отец Торус задумчиво посмотрел на молодого монаха, и тот, невольно смутившись, поспешил отвести глаза в сторону. Настоятель Монастыря Прохода Тысячи Мучеников был очень стар, но голос его был еще тверд, а суровые взгляды, которые он бросал из-под своих кустистых бровей, казалось, могли прожечь камень.

В просторной келье настоятеля вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в маленьком камине – единственной роскоши, которую позволял себе старец. Вся остальная строгая обстановка – лежак в углу, несколько грубых, но основательных стульев и такой же массивный стол, заваленный бумагами, – выдавала в хозяине комнаты сурового аскета. Лучи недавно взошедшего солнца пробивались сквозь маленькое оконце, повторяя тенью на противоположной стене комнаты четкий рисунок от тяжелой кованой решетки.

– Как только нападение на нашу Обитель было отбито, я

велел четырем братьям в сопровождении нескольких стражников обследовать подвал часовни, – продолжил через некоторое время настоятель.

– И как, святой отец, им удалось схватить этих ужасных сектантов? – в нетерпении спросил Умберто, когда настоятель вновь замолк.

– Хм, юноша, я понимаю твою горячность, – слегка улыбнувшись, ответил старик. – Но, боюсь, ты будешь разочарован. Единственное, что удалось там найти, – несколько обрывков веревки. Это подтверждает твой рассказ, в котором, безусловно, я ничуть не сомневаюсь, но, увы, не более того. А брат Игнасио... Даже не знаю, что тебе и сказать. Да, его уже несколько часов не могут найти, однако, учитывая ночное нападение на монастырь, его отсутствию можно найти и другое, не менее скорбное объяснение. Нет, я не верю, чтобы столь достойный собрат наш мог быть членом какой-либо тайной секты! Полагаю, ты все же обознался, брат Умберто, в темноте приняв за него кого-то похожего.

– Наверное, они успели уйти тем, другим путем, – робко предположил брат Умберто.

Настоятель покачал головой:

– На самом деле о склепе под часовней и входе к нему в нашем монастыре знают многие. Фундамент нашей Обители гораздо древнее, чем его стены... Многие сотни служб, тысячи часов молитв – все это должно было освятить сие кровавое... Впрочем, не стоит об этом. Так что, юноша, боюсь

тебя разочаровать, но ты не открыл ничего нового. И другого входа в монастырь нет. Брат Люпус, помощник келаря, который знает каждый закоулок не только Внутренних, но и Внешних галерей, подтвердил мне это.

– Но девушка сказала... – нерешительно попытался возразить молодой монах.

– Я велел начать ее поиски, – твердо сказал настоятель. – Хотелось бы расспросить эту – как ее? – Анти. Может, она, успокоившись, и вспомнила бы что-то полезное. Конечно, присутствие женщины во Внутренних галереях недопустимо, – строго сверкнув глазами на брата Умберто, продолжил старик, – хотя, учитывая все обстоятельства и ночное нападение...

В дверь громко постучали, и на пороге кельи показался высокий монах средних лет в пропыленной и порванной в двух-трех местах рясе. Его полное лицо было хмурым и озабоченным. Поклонившись настоятелю и коротко кивнув Умберто, монах подвинул один из стульев к камину, сел на него и протянул руки к огню.

– Какие известия, брат Винциус? – тревожно спросил настоятель.

Монах бросил настороженный взгляд на Умберто, и настоятель поспешил успокоить его:

– Это послушник Умберто, паломник из аббатства Святого Галаты. Он – тот самый отличившийся сегодня в часовне герой, о котором рассказывал я тебе перед рассветом. Гово-

ри при нем все, Винциус, – думаю, на него можно положить-ся.

Польщенный словами старца, брат Умберто в смущении еще больше опустил голову. Брат Винциус, окинув молодого монаха долгим оценивающим взглядом, что-то невнятно пробормотал, а затем сказал:

– А известия, отец Торус, не слишком утешительны. Да, горцы отступили – их оказалось не так уж и много. Похоже, они прокрались незамеченными под самыми стенами, но как смогли открыть ворота Внешних галерей – неизвестно. К счастью, особых бед они натворить не успели – подожгли пару домов и постоянный двор Гандиса Нормуса. Большая часть же их ринулась к монастырским вратам, но уже у самых Внутренних галерей подросла-таки стража и отогнала их прочь.

– Каковы потери?

– Увы, – вздохнул брат Винциус, – погиб брат Галатус. Он как раз дежурил после полуночи у врат монастыря. Ранен и новый послушник, брат Виктус. До сих пор не могут найти брата Отуса – говорят, его также видели неподалеку от врат. Бедный Отус, я надеюсь, с нашим келарем ничего не произошло. Пропал также и брат Игнасио. – Тут Винциус внимательно посмотрел на Умберто, после чего продолжил: – Кроме этого, погибли пятеро стражников, двое тяжело ранены. В городе также есть жертвы – трое или четверо торговцев, и еще сам Нормус – он пытался защитить свою гостиницу.

Кто-то вроде бы видел, как, отступая, горцы уводили с собой нескольких пленных...

– Удалось точно узнать, что это был за Клан? – спросил настоятель.

– Да, убитых тварей опознали. Клан Крови.

Настоятель печально покачал головой.

– Козлоногая нечисть, – тихо произнес он. – Помоги, Создатель, умереть пленным быстро... Странно, вроде бы земли их Клана далеко на востоке, почти на самой границе с Пустыней. Да, Винциус, а удалось ли найти ту девушку, Анти, о которой я тебя спрашивал?

– Увы, пока нет. Но во Внешних галереях до сих пор народ в панике, и до вечера там трудно будет точно выяснить, кто пропал, а кто просто отсиживается по подвалам. Я передал ее описание стражникам, и они обещали известить меня в случае удачи. Внешние Ворота будут закрыты до завтра, и если она жива, то непременно найдется. Хотя, говорят, среди уведенных Кланом были и женщины... Но отчего, отец Торус, столь пристальный интерес? Мне вкратце описали приключения этого достойного юноши, но в этой суете я пока мало что понял.

– Брат Умберто, – скорее приказал, нежели попросил настоятель, – изложи брату Винциусу то, что произошло с тобой в часовне сегодня ночью. Он многоопытен и сталкивался с подобными делами.

Слушая немного сбивчивый рассказ брата Умберто, Вин-

циус хмурился и поджимал губы. Когда молодой монах закончил повествовать о своих приключениях, брат Винциус еще немного помолчал, а затем тихо произнес:

– Храбрость твоя достойна деяний древних героев, юноша, а глупость – длительной епитимии. Впрочем, не обижайся, – улыбнувшись, добавил он смутившемуся под взорами двух монахов Умберто. – Ты, брат мой, действовал весьма и весьма похвально. От себя же могу добавить, что, судя по всему, наш юный друг стал свидетелем одного из обрядов культа Черной Троицы.

– Да-да, это скорее всего так, – печально качая головой, продолжил Винциус, глядя то на ставшее каменным лицо настоятеля, то на округлившиеся глаза Умберто. – Те слова, что запомнил наш герой, жертва на саркофаге, вызванный гигантский паук – все это слишком явно указывает на почитателей Трех Сердец Зла – Трех Неназываемых.

– Но здесь, в нашем монастыре... – растерянно и недоверчиво вздохнул настоятель.

– Конечно, это все очень печально, – кивнул Винциус. – Хотя, с другой стороны, ведь все знают, что согласно легендам и некоторым апокрифам именно здесь когда-то наш Спаситель сразил демона Тантариэль, прислужника Первого из Трех. А ведь этот демон в нашем мире имел обличье женщины-паучихи... Единственное, на что я надеюсь, так это на то, что брат Умберто все же ошибся, и брат Игнасио не имеет к этому никакого отношения. Теперь я понимаю, почему,

отец Торус, вы настояли на секретности этого дела. Несомненно, если эта девушка, Анти, жива и не уведена Кланами, я разыщу и распрошу ее. Кроме того, я также немедленно начну у нас внутреннее расследование и тщательно...

– Нет, брат Винциус, этим займется брат Альбио, – показав головой, решительно прервал его настоятель.

– Но отче, я как Глава Внутреннего Круга...

– Да-да, я знаю, Винциус, – уже мягче сказал старик. – Но для тебя у меня есть особое задание. Завтра на рассвете от Восточных Ворот на Рас-Халейн уходит караван. Ты отправишься с ним.

– Какие дела могут быть в Халейне, – недовольно пробормотал Винциус. Громко возмущаться он не стал, но отец Торус все-таки нахмурил брови.

– Не перебивай. Путь твой лежит в Пустынь Серых Песков. Ты понимаешь, о чем я. Это может дать ответы на все вопросы, которые возникли здесь.

Брат Винциус с явной неохотой кивнул. Умберто понимал, что того тяготит не страх перед трудной дорогой. Винциус не хотел оставлять Обитель, над которой нависала угроза новых набегов, а также странная история с сектантами.

– Однако хочу тебя обрадовать, ты пойдешь не один, – продолжил настоятель. – Наш гость пойдет вместе с тобой.

– Что? – вопрос этот вырвался и у Винциуса, и у Умберто одновременно.

– Да-да, и не спорьте. Мне было видение, – твердо сказал

Торус.

Галопом понеслись мысли в не выпавшейся голове брата Умберто. Услышать удивительное эхо скал Прохода Тысячи Мучеников, пересечь бескрайнюю Пустыню, увидеть загадочный Рас-Халейн... Все эти давние, но казавшиеся несбыточными мечты неудержимо манили его. Вот только если бы не жара знойных пустынь, холод и опасности горных перевалов, долгие переходы и постоянные ночевки под открытым небом, хищные звери и кровожадные разбойники, стоптанные в кровь ноги и пересохшие от жажды губы, чужие люди, странные обычаи восточных земель... Все это также пронеслось перед мысленным взором брата Умберто. С каким трудом дался ему не такой уж долгий путь из родного аббатства даже по родной стране. Что уж тут говорить о месяцах пути в чужих краях!

– Конечно, святой отец, но... как же мое паломничество? Я ведь должен поклониться алтарю Дориэля, – в растерянности пробормотал молодой послушник.

– Будем считать, что совершенное тобой сегодня ночное бдение не менее свято, чем трое бессонных суток стояния у алтаря в Восточном Приюте, – улыбнулся старый настоятель. – Я так и напишу аббату Моррилю, тем более что это правда.

– Но ведь... ведь я не могу отправиться туда прямо сейчас... Путь через Пустыню занимает не одну неделю, и настоятель Морриль будет сильно обеспокоен моим отсутстви-

ем. Да и дорога совершенно незнакома мне. Кроме того, я... – совсем смешался брат Умберто.

– Кроме того, ты боишься и у тебя совсем нет денег, – строго договорил за юного монаха настоятель. – По поводу последнего не беспокойся – казна нашего монастыря не оскудеет от того, что сотня монет уйдет на оплату твоего пути. И уразумей, юноша, что предстоящее путешествие не прогулка для развлечения, а дело весьма добродетельное и угодное Создателю. Совершив паломничество по следам нашего Спасителя, ты обрешь немалые заслуги и почет в своем аббатстве. Кто знает, возможно, со временем ты сможешь войти не только в Первый, но и во Второй, а то и во Внутренний Круг! Кроме того, с тобой будет брат Винциус, а он на своем веку исходил не одну сотню лиг.

– Да, святой отец, вы правы, указывая на недостойное мое малодушие, – смиренно ответил брат Умберто. Природное его любопытство вновь праздновало победу над прирожденной осторожностью. – Я смиренно прошу благословения на дальнейшее паломничество.

– Вот и славно, – ответил настоятель. – Я вижу, юноша, что дух странствия живет в тебе. А теперь оставь нас – к вечеру я передам письмо, которое ты должен будешь вручить отцу Канпусу, настоятелю Пустыни Серых Песков.

– Подкрепи свои силы и отоспись, брат мой, – бросил Винциус покидающему келью брату Умберто. – Силы душевные и физические весьма понадобятся тебе в пути. Я зайду за то-

бой. И не проспи – караван выходит в восемь!

После ухода Умберто настоятель поднялся со своего стула и подошел к стене рядом с камином. Внимательно ее ощупав, он надавил на один из камней, образующих кладку. Камень заскрежетал и отошел в сторону, открыв маленькую потайную дверцу. Сняв с цепочки у себя на груди небольшой ключ с бородкой затейливой формы, настоятель открыл дверцу и извлек некий продолговатый предмет, плотно замотанный в несколько слоев серой ткани. Бережно взяв его в руки, он передал сверток почтительно склонившемуся перед ним Винциусу.

– Правильно ли мы поступаем? – с тревогой спросил брат Винциус, убрав сверток в свою кожаную мошну и прикрывая ее краями просторной рясы.

– Не знаю, Винциус, не знаю, – печально качая головой, ответил старик. – Но здесь ему больше не место. Враг близко, и сегодняшние события только приближают развязку. В любом случае реликвия должна покинуть стены нашего монастыря, пока не стало слишком поздно.

– Ты думаешь, что брат Умберто... – с сомнением в голосе снова спросил Винциус.

– И тут у меня нет ответа, – проговорил настоятель. – Тот ли он, о ком говорит Седьмое Пророчество, или же хитрый лазутчик – в любом случае нам придется рискнуть – он слишком много знает и поэтому должен пойти с тобой. Будь осторожен, брат мой! Я пошлю отцу Канпусу секретное

письмо с голубем.

И настоятель, благословляя ставшего на колени Винциуса, осенил его знамением Копья и тихо добавил:

– Да пребудут с тобою Создатель и Спаситель.

* * *

Брат Умберто проснулся еще затемно. Всю ночь он по темным узким коридорам убегал от огромных пауков. Неудивительно, что чувствовал послушник себя совершенно разбитым. Мысли о том, какие опасности могут ожидать его впереди, он попытался прогнать утренней молитвой Создателю и Спасителю. И это ему почти удалось.

Испросив у Высших Сил помощи в делах своих, он начал собираться. Времени на сборы у него ушло немного. Умберто не мог взять с собой вещей больше, чем у него было. Осталось проверить, нет ли чего лишнего. Посмотрев на разложенные на скамье молитвенник, смену одежды и миску с ложкой, юноша решил, что все это занимает не так уж много места. Когда в его келью без стука вошел брат Винциус, Умберто был уже готов к путешествию.

Молодой послушник удивленно смотрел на одеяние Винциуса. Вместо обычной для братьев долгополой серой хламиды и деревянных сандалий тот был одет в короткую, выше колен, рясу странной расцветки – ее покрывали пятна различных оттенков желтого и коричневого. А на ногах были

высокие кожаные сапоги. В одной руке Винциус держал две короткие дубинки, в другой – мешок такого же странного цвета, что и ряса.

– Дорожное облачение нашей Обители для путешествий по пустыне, – объяснил брат Винциус, бросая Умберто мешок. – Переодевайся и слушай.

Он подошел к узкому окну кельи, за которым начал розоветь рассвет.

– Не хочу скрывать – путь наш будет полон опасностей. Поэтому во всем слушай меня. Если я скажу «Стой!» – стой. Если я скажу «Беги!» – беги. Если я скажу «Дерись!» – что ты будешь делать?

– Бежать, – честно ответил Умберто. – Я не умею драться.

– Но ты рассказывал, что в подземелье...

– Я просто поскользнулся, – смущенно пробормотал брат Умберто, одергивая короткую рясу. Новое одеяние сидело на нем удобно, хотя и странно.

Винциус, однако, не рассердился, а неожиданно весело расхохотался.

– Значит, тебе здорово везет! Это важно, особенно для нашего путешествия. Ну а драться я тебя научу. Иногда одних молитв и заклинаний оказывается недостаточно.

С этими словами он бросил одну из дубинок Умберто и, размахивая другой, накинулся на растерявшегося послушника.

Примерно через полчаса брат Умберто заработал кучу си-

няков, но зато овладел дубинкой достаточно, чтобы отбиться от какого-нибудь разбойника. При условии, что тот был бы раза в четыре старше его и желательно однорук.

– Пока хватит. – Винциус даже не запыхался. – На первом же привале продолжим. Караван выходит через полчаса. Ты успел поесть?

– Я успел помолиться.

– Сие весьма похвально, юноша. Но и позавтракать перед дорогой будет не лишним.

В последний раз окинув взглядом скромную келью, которая вдруг показалось ему такой уютной, брат Умберто вышел вслед за Винциусом. Зайдя по дороге к брату Винциусу за его дорожным мешком (гораздо более внушительным, чем багаж Умберто), они прошли в трапезную. Там их встретил брат Макбуз, на которого Умберто подозрительно косился все время, пока они наскоро завтракали. Уж очень он был похож на оборотня Отуса.

Лошадь, на которой приехал в Обитель Умберто, пришлось оставить в монастырской конюшне. Брат Винциус сказал, что пройти по обрывистым горным тропам смогут только специально обученные местные кони. Коротконогие и очень лохматые животные были необычайно сильны и легко переносили и холод заснеженных перевалов, и жару пустыни, через которую проходил дальнейший путь в Рас-Халейн.

Караван – два десятка конных путников и девять охранников – отправился сразу же, как только к нему присоеди-

лись два монаха. Несмотря на раннее утро, проводить отъезжающих пришло довольно много народу. Умберто пытался отыскать в толпе смуглое лицо Анти, но напрасно. Брат Винциус, проницательно взглянув на озабоченное лицо юноши, сказал, что поиски ее пока результатов не дали.

– А теперь, брат мой, расскажи, – прервал размышления молодого послушника Винциус, подъезжая поближе, – какими видами духовной практики славится твое аббатство?

Акт II

Глава 4 Сила духа

Брат Умберто смахнул со лба пот, чтобы тот не попал в глаза. Их и без того слепило немилосердно палящее солнце. Этим утром каменистые пустоши Сухих Холмов сменили песчаные дюны. Раскаленный белый песок, словно зеркало, отражал безжалостные лучи светила, одиноко повисшего в зените безоблачного неба.

Брат Умберто с трудом поспевал за своей понуро бредущей коренастой лошадкой. Вот уже десять дней никто и не помышлял о такой роскоши, как езда верхом. Все лошади, бывшие в караване, везли на своих спинах бесценный груз – воду и фураж, которые набрали на границе между пустыней и горами.

– Держитесь, святой отец, сегодня к вечеру мы обязательно достигнем Ближнего Оазиса. А к завтрашнему ужину, да помогут нам Небеса, мы уже будем входить в ворота Рас-Халейна.

Уныло бредущий неподалеку охранник каравана по имени Леонес пытался взбодрить не столько молодого священника, сколько самого себя. Пот градом катил у него из-под

подбитого кожей шлема, а стеганный халат с нашитыми поверх металлическими полосами явно тяготил изнуренного воина.

Брат Умберто рассеянно кивнул. Все его мысли были направлены на глоток воды. Но пить можно было только на привале. А тут еще новое задание брата Винциуса.

«Повторяя слова молитвы девяти архангелам, – сказал с утра брат Винциус, – ты должен направить свою духовную силу через собственные жилы, кости и вены, исторгнув оттуда всю скверну. Научившись делать это, ты сможешь исцелять себя от различных недугов, и даже многие яды и зелья станут тебе не страшны. Не коснутся тебя и темные заклятия, призванные сломить и поработить человеческую волю. Этот прием называется Очищение. Упражняйся по дороге усерднее – во время полуденного привала я проверю твои достижения, юноша».

Вздыхнув, брат Умберто продолжил прерванные тренировки. Брат Винциус – добрый и даже веселый человек, но когда дело касалось духовной силы... За нерадение в этом суровый монах мог назначить очень суровую епитимью. И поэтому Умберто поспешно вернулся к своей практике, занявшись Очищением. Надо сказать, что за это время послушник достиг весьма впечатляющих результатов. Но не только упражнениям с дубинками или короткими мечами, одолженными у охранников, посвящали они с Винциусом свободное время на привалах. Разглядев в молодом послуш-

нике скрытую духовную мощь, старший товарищ обучал его искусству молитв и заклинаний. Не далее как три дня назад под надзором брата Винциуса он исцелил рану на ноге одной из лошадей. Кроме того, он овладел, хотя и в небольшой степени пока, Аурой Огня. С удивлением смотрел брат Умберто на свою ладонь, в которой лежал раскаленный уголек из костра, не обжигая ее. Выучил он и молитву, называемую Святая Мощь. Она, пусть и на время, могла снять накопившуюся усталость. И лишь над жаждой своей не властен был пока молодой монах.

Солнце уже давно перешло полуденную черту, когда крики и шум отвлекли брата Умберто от его занятий Очищением. Остановившись, он поднял глаза и стал оглядываться в поисках своего наставника. Брат Винциус, на удивление для его возраста и комплекции бодрый и свежий, что-то оживленно обсуждал с караванщиком и начальником охраны.

– ...нам лучше свернуть. Мне не нравятся груды камней, что лежат вон за тем барханом, – настаивал брат Винциус.

– Святой отец! – мягко, но все же несколько раздраженно отвечал караванщик, невысокий крепыш со слегка раскосыми глазами. – При всем моем уважении к вашей особе караван все же веду я. Мы всего в трех часах от Оазиса, и, поверьте мне, все опасности пути остались уже позади. Милостью Небес мы...

– Смотрите! – воскликнул вдруг начальник стражи, тощий и высокий как жердь пожилой воин. – Камни! Они дви-

жутся, движутся прямо к нам!

Брат Умберто поспешно подошел к краю очередного бархана и увидел всего лишь в паре сотен шагов впереди три бесформенные кучи камней локтей шесть-восемь в высоту. Они казались обычными кучами булыжников, но и в самом деле, словно единое целое, смещались в сторону каравана.

– Големы... Этого я и опасался! – встревоженно сказал брат Винциус. И, обернувшись к изумленно застывшему воину, приказал: – Собирайте своих людей. Надо...

Закончить монах не успел. Слева, из-за песчаного холма раздался громкий свист. Тотчас ему ответили справа, и с обеих сторон на караван обрушились по крайней мере полтора десятка всадников.

Дальнейшее брат Умберто помнил смутно. Тревожное ржание лошадей и испуганные крики купцов, пытающихся укрыться за тюками. Призывы к оружию начальника стражи. Растерянные охранники, торопливо хватающиеся за копья и сабли.

Но уже свистнули, прочертив голубое небо черными всполохами, полтора десятка стрел. Коротко вскрикнули двое купцов, закрипел зубами ближайший охранник, схватившись руками за древко стрелы, вонзившийся ему в бедро. А конники с гиканьем и воплями выхватили свои изогнутые клинки и стремительно окружали караван.

Даже не успев как следует испугаться, брат Умберто бросился со всех ног к своему наставнику. Брат Винциус же, ста-

раясь перекричать окружающий гомон, пытался предупредить начальника стражи. Тот вместе с тремя воинами отчаянно ринулся навстречу самой страшной угрозе – трем мерно надвигающимся каменным глыбам. Однако это были уже не просто бесформенные груды камней – серые огромные фигуры грузно приближались к каравану.

– Стойте! Мечи против них бессильны, найдите магов! – закричал монах, но было уже поздно. Охранники бросились на големов, с силой обрушив на них утяжеленные на концах клинки. Однако сталь с печальным звоном отскочила от каменных торсов могучих фигур. С неожиданной быстротой замелькали в воздухе серые кулаки размером с голову человека, и воины один за другим стали со стоном валиться на землю. Один лишь начальник стражи, умело уворачиваясь и прикрываясь щитом, начал медленно пятиться от теснящих его каменных исполинов.

– Найди магов, брат Умберто, они управляют големами. Скорее! – крикнул брат Винциус и, закрыв глаза, простер руки в сторону приближающихся монстров.

«Где?» – в ужасе хотел было спросить послушник, но тут он увидел две стоящие на самой кромке соседней дюны фигуры, закутанные с ног до головы в песчаного цвета балахоны. И вновь удивляясь собственной смелости, брат Умберто, выхватив из заплечного мешка дубинку, бросился к ним.

Позади него кипела схватка – всадники кружились вокруг каравана. Оставшиеся в живых охранники, вооружившись

длинными копьями, заняли круговую оборону. Несколько нападавших, которые осмелились приблизиться на длину древка, уже горячо в том раскаивались, корчась на песке. Слева, воздев руки к небу, читал какую-то неизвестную Умберто молитву брат Винциус. Над ним возвышались три могучие серые фигуры големов. Но каменные чудовища застыли, словно не решаясь нанести последний страшный удар. Все это брат Умберто видел краем глаза, так же как и еще троих всадников в черных одеждах. Они наблюдали за нападением с безопасного расстояния. А сам юноша изо всех сил карабкался по осыпающемуся песчаному склону – туда, где всего в десятке шагов также безмолвно застыли два закутанных в глухие серые одеяния мага.

– Держитесь, святой отец! – крикнул кто-то прямо позади Умберто. Послушник оглянулся и увидел поспешно взбирающегося по его следам капитана стражи. Окровавленная левая рука воина бессильно повисла, но в правой он сжимал искривленный клинок.

Вдруг раздался ужасный грохот, и юноша увидел, как рушатся, рассыпаются на мелкие камни големы, побежденные силой святых слов брата Винциуса. Но Умберто надо было спешить, пока повелители каменных монстров не сотворили новых чудовищ.

Первым до верхушки дюны добрался все же начальник охраны. Взмахнув клинком, он, казалось, готов был разрубить стоящего слева мага. Но тот, внезапно выйдя из оцепе-

нения, ловко уклонился в сторону. И выхватив из-под складок балахона длинный кинжал, сам попытался поразить своего соперника в бок.

Однако брату Умберто было не до них. Наконец с трудом взобравшись на вершину, он оказался лицом к лицу со вторым магом. Секунда нерешительности обернулась против молодого монаха. Зло блеснули из-под капюшона глаза, и рука мага тоже метнулась за пояс. Понимая, что следующий миг может стать для него последним, Умберто, коротко размахнувшись, попытался ударить своего противника по колену. Маг успел уклониться, но все же недостаточно проворно, и оба противника, потеряв равновесие, покатались вниз.

Сзади раздался вскрик, и, поспешно поднимаясь, брат Умберто увидел, как оседает, хватаясь за распоротый живот, первый маг. К послушнику бросился капитан охранников:

– Я уже бегу, отче, я... – успел крикнуть он, как вдруг захрипел, изо рта у него хлынула кровь, и он как подкошенный рухнул на песок. Из спины начальника стражи торчал вошедший в тело на половину длины клинок. А позади стоял, странно покачиваясь, еще один стражник – Леонес. Тело его было изувечено, половина лица превратилась в кровавое месиво, а из-под разорванных доспехов торчали осколки ребер. Но он тем не менее медленно двинулся к молодому послушнику, вытянув вперед руки.

Отвратительный смех послышался у самых ног брата Ум-

берто. Капюшон спал с лица поднимающегося мага, открыв сухое, покрытое морщинами и множеством странных татуировок лицо. Ярость и торжество были в его черных глазах, а рука сжимала уже изготовленный для метания нож. Не раздумывая ни секунды, следуя заученному на тренировках, брат Умберто, извернувшись, обрушил свою дубинку на голову врага. Послышался громкий треск, и маг замертво упал обратно на песок. Вместе с ним рухнул и Леонес, словно иссякли силы, питавшие его уже умершее тело.

– Не переживай, брат Умберто. Это был враг, и ты честно сразил его. Нет времени предаваться печали – живым наша помощь и сочувствие нужнее. – Брат Винциус положил на плечо молодому послушнику свою мозолистую ладонь, желая подбодрить и утешить своего спутника.

С ужасом смотрел брат Умберто на дело своих рук – мертвого человека с расколотой ударом его дубинки головой. Винциус подошел поближе к убитому и, наклонившись, быстро, но внимательно осмотрел тело.

– Некромансер, – сквозь зубы процедил он. – Как и другой. Оба из местных, да и большинство разбойников тоже. – И, глядя на изумленного Умберто, пояснил: – Да, юноша, это древнее темное искусство до сих пор живо на Востоке. Сначала эти двое создали големов, а потом, когда я Словом Создателя разрушил их, попытались поднять павших воинов, сделав из них зомби. Но вы с капитаном помешали им. Бедный капитан, ему уже ничем нельзя помочь... Однако там

нас ждут раненые, брат Умберто, сейчас мы проверим, чему ты научился за это время. И нам лучше поторопиться – я тоже видел тех троих в черном, что отозвали разбойников после того, как вы сразили магов.

Потери были велики. В живых остались всего пятеро охранников, причем двое из них были довольно тяжело ранены. Пострадали и несколько купцов и погонщиков, однако им досталось меньше – все они поспешили укрыться между тюками, поклажей и лошадьми. Тяжелоранеными занялся брат Винциус. Его руки и слово творили чудеса, останавливая кровь и заставляя затягиваться порезы и раны. Брату Умберто было поручено остановить с помощью молитвы Целителя кровь из раны, нанесенной одному из стражников в бедро. С тревогой приступил к этому ответственному делу послушник, но, несмотря на волнение, справился с этой задачей неожиданно легко. Подчиняясь словам чудодейственной молитвы, кровь быстро свернулась вдоль всей длинной раны и, запекшись, образовала поверх нее густую корку. Охранник с жаром стал благодарить смутившегося монаха, а подошедший брат Винциус одобрительно покивал головой.

С большим трудом удалось Винциусу уговорить насмерть перепуганного караванщика совершить обряд погребения. Довезти умерших до Оазиса не было никакой возможности – почти половина лошадей в суматохе боя сбежала, а оставшиеся вынуждены были везти двойную поклажу и раненых. Тела убитых разбойников и двух магов-некромансеров просто

засыпали песком. Погибших охранников и одного из купцов под молитвы, читаемые монахами, закопали поглубже, положив поверх могилы камни, на которые рассыпались големы. Между камнями, как и положено в таком случае, воткнули несколько копий наконечниками вверх.

– Да простят и примут их Небеса! – закончил молитву брат Винциус, и вместе с Умберто они поспешили нагнать поредевший караван. Путники торопились к ночи все-таки достичь относительно безопасного Ближнего Оазиса.

Глава 5

Ближний оазис

Солнце плавно опускалось за вершины барханов, и лучи его уже не так жестоко опаляли пустыню. Дневная жара пошла на убыль. И люди, и кони, увязая в песке, из последних сил медленно двигались вперед. Вдруг одна из лошадей всхрапнула и, задрав голову и широко раздувая ноздри, заржала. Следом за ней оживились другие, а глядя на них, и изнуренные путники прибавили шаг. Животные не ошиблись – за очередной дюной, багровея в лучах заходящего солнца вершинами пальм, раскинулся Ближний Оазис. Несколько десятков деревьев окружало чашу небольшого озера, берега которого заросли густым кустарником.

Но не долгожданный Оазис заставил восторженно замереть молодого послушника. У самого горизонта, от одного

его края до другого, тянулась темно-синяя полоса. Лучи заходящего солнца искрами играли на далекой водной поверхности, порождая причудливые блики и серебристые дорожки.

– Да, юноша, это и есть Океан, что делит населенные людьми земли на две части, – незаметно подошел к Умберто брат Винциус. – Трудно представить всю его бесконечность и величие. Однако вот и Оазис, а там, – он махнул рукой вправо, указывая на несколько едва различимых огоньков, – Новый город.

В быстро наступивших сумерках караван расположился на долгожданный отдых. Пока караванщики поили животных и ставили палатки, стемнело окончательно. Устало приклонив спину к стволу невысокой пальмы, стоящей прямо на границе Оазиса, и радуясь покою, брат Умберто с облегчением вздохнул. Пламя крохотного костра освещало всего несколько локтей пространства, выхватывая из ночной тьмы лицо брата Винциуса, сидящего напротив послушника.

– Сколь долгим был путь, – тихо вздохнул юноша.

– Да, долгим, но тем более почетным, что шли мы по стопам Спасителя, – ответил брат Винциус. – Вспомни, брат мой, Песчаные Главы из Его Деяний! Именно этим путем шел Он в Рас-Халейн, и именно здесь Он поверг одного из Черной Троицы – Владыку Разрушения. Может быть, тысячу лет назад, готовясь к битве, он сидел именно на том месте, где сидишь сейчас ты...

Странное шипение и шорох прервали неспешную речь монаха. Брат Винциус моментально замолк и прислушался. Брат Умберто в изумлении уставился на освещенный отблесками пламени песок. Прямо перед ним начал вздуваться пузырь. Он становился все больше и больше, пока наконец с сухим треском не лопнул. А из него появилась голова гигантской змеи. Причем змеи, необычной не только своими размерами, но и обликом – с высоким лбом, выступающими ноздрями и острыми, высунутыми из широкой пасти клыками. Там же, где у змей было лишь длинное туловище, у страшного существа выглядывали две пары когтистых, покрытых чешуей лап, гротескно напоминающих человеческие руки.

Парализованный ужасом послушник замер, глядя на чудовище, которое устремило немигающий взгляд круглых желтых глаз с вертикальными зрачками прямо на него. Брат Винциус же стремительно наклонился к костру, схватил руками кипящий над огнем котелок и одним резким движением выплеснул его содержимое прямо в вырастающего изпод земли змея. Раздалось громкое шипение, и тварь, издав пронзительный, переходящий в визг свист, мгновенно зарылась обратно в песок.

– Наги! Они боятся воды! – успел крикнуть брат Винциус, но ответом со стороны лагеря стал душераздирающий крик. За ним последовали громкое шипение и вопли ужаса. Испуганно заржали лошади, а затем все вмиг утонуло в жутком и кровавом хаосе. В свете нескольких походных костров мель-

кали змеиные тела, вскакивали сонные купцы и охранники, метались сорвавшиеся с привязи лошади. Возгласы боли и отчаяния заполнили лагерь, заглушая яростное шипение и страшный звук раздираемой на части человеческой плоти.

Вскочив на ноги, брат Умберто, даже не осознавая этого, подхватил лежащий рядом дорожный посох и попытался броситься на помощь одному из стражников, который отбивался от трех огромных змей.

– Поздно! – схватив за рукав рясы, остановил его брат Винциус. – Нагов слишком много. – Страдание отразилось на лице монаха. – Мы не сможем никого спасти и лишь напрасно погибнем. Бежим, брат Умберто. Вспомни молитву Чистой Тишины, что я учил тебя, тогда у нас будет шанс спастись из этой бойни.

Все громче и громче становилось позади шипение, лопался песок, и чудовища десятками вырывались наверх. Вопли терзаемых людей и ржание лошадей жутким эхом отдавались в голове охваченного отчаянием брата Умберто. Пригнувшись, двое монахов незамеченными ускользнули из гибнущего лагеря в глубь пустыни.

– Доблесть и безрассудство, брат мой, – это разные вещи. Порой выполнить свою задачу труднее, чем героически погибнуть, – печально сказал Винциус, глядя на распластавшегося на песке обессиленного брата Умберто. Беглецы удалились на безопасное расстояние от Оазиса и теперь остановились, чтобы перевести дух.

– Но все эти люди, наши спутники... – задыхаясь от усталости и отчаяния, проговорил послушник.

– Поверь, брат Умберто, если бы был хоть один шанс помочь им, я бы первый бросился в бой, отдав всю свою духовную силу для защиты людей. Но сделать что-либо было уже слишком поздно, а я... я не мог рисковать и не выполнить порученное мне.

– Брат Винциус, если мне будет позволено спросить, какое важное поручение дал вам настоятель? – отдышавшись, спросил Умберто.

– Что же, я полагаю, ты имеешь право знать, – задумчиво ответил брат Винциус. – Долгие годы в стенах нашего монастыря хранилась одна реликвия... Не спрашивай какая, брат мой, я не вправе назвать тебе ее истинное имя, да это сейчас и не так важно. Важно то, что зло проникло в стены монастыря, и мне было велено втайне вывезти святыню сюда, на Восток, в Пустынь Серых Песков. Да, брат Умберто, она сейчас со мной, – продолжил Винциус, осторожно прикоснувшись к надетой под походную рясу мошну. – И вот почему мы не можем рисковать. Новый город сейчас отрезан от нас, поэтому я предлагаю идти в Пустынь напрямую. Приободрись, юноша, – она не так далеко отсюда, и если Небеса будут милостивы к нам, а ты – стоек духом и телом, то к утру мы достигнем ее неприступных стен.

Путь до Пустыни оказался тяжелым, но не настолько, как опасался молодой послушник. Хотя он так и не успел отдох-

нуть в Оазисе, идти под прохладой ночи было гораздо легче, нежели под палящими лучами безжалостного солнца. К тому же его уже не отягощала ноша, брошенная во время бегства, – все имущество сейчас состояло лишь из прочного дорожного посоха.

Всю дорогу монахи старательно прислушивались к ночным шорохам пустыни – когда дневная жара уходила, казавшиеся мертвыми днем пески оживали. К счастью, змеи-наги им не встретились, а мелкие обитатели пустыни сами сторонились людей.

Чернота неба уже не казалась такой бездонной, а звезды – столь яркими, когда усталые путники увидели в их слабом свете силуэты высоких скал. Они гордо устремлялись ввысь, словно острова посреди песчаного моря. Вскоре восточный склон неба окрасился алой полосой. Лучи восходящего солнца осветили красновато-коричневые скалы, и брату Умберто показалось, что перед ним – созданная самим Творцом крепость, чьи неприступные стены возвышаются на несколько сотен локтей. А на самом верху, среди расщелин и уступов, виднелись десятки отверстий, чьи правильные формы указывали на то, что вырублены они были человеческой рукой.

– Вот и Пустынь, – с облегчением произнес брат Винциус. Даже для казавшегося несокрушимым монаха ночь в пути не прошла бесследно – что уж говорить о брате Умберто.

– Как же мы попадем внутрь? – задрав голову, спросил по-

трясенный величием вырубленного в скалах монастыря брат Умберто.

– Нам надо пройти между тех двух скал – там есть гонг. Услышав его, монахи спустят нам на веревках большую корзину и поднимут наверх, – задумчиво оглядывая обитель, ответил брат Винциус. – Однако, – продолжил он, – не нравится мне эта тишина. Пустынь всегда славилась своими гимнопевцами, а сейчас как раз время утренних молитв. Я помню, что звуки их голосов разносились на многие лиги вокруг. Брат Умберто, будем осторожны! Сердце подсказывает мне, что здесь что-то не так...

К сожалению, предчувствия не обманули брата Винциуса. Едва монахи успели достичь глубокой тени одной из привратных скал, как справа, из одной из расщелин, до них донесся слабый, еле слышный стон. Осторожно приблизившись, путники заглянули в ее темную глубину и увидели там прижавшегося к камням лежавшего на боку человека, облаченного в песчаного цвета рясу. Подойдя поближе, они смогли различить, что перед ними – юноша лет пятнадцати, с узким лицом и короткими темными волосами. Правая рука его была неестественно вывихнута, а на изодранной рясе виднелись большие темные пятна запекшейся крови.

Наклонившись к раненому, брат Винциус пощупал его пульс, провел рукой над телом и озабоченно покачал головой:

– Множество переломов и внутреннее кровоизлияние...

Силы бедняги на исходе. Попробую, но шансов никаких...

Приложив обе руки ладонями ко лбу юноши, монах принялся шепотом читать молитву Исцеления. Раненый долго не подавал никаких признаков жизни, но затем вдруг вздрогнул, застонал и, задыхаясь, ели слышно проговорил:

– Обитель захвачена... отовсюду... из трещин в скалах... змеи, огромные, они были повсюду... привели... трое черных всадников... только... только нам троим с настоятелем удалось... по старому водостоку...

Глаза юного монаха расширились, он побледнел и, собрав последние силы, быстро выдохнул:

– Настоятель велел передать... двум путникам... вам. Он будет ждать вас три дня во дворце Старого города, там соберутся все, кто смог...

Так и не договорив, раненый дернулся в последний раз, после чего уста его замерли навеки. Прикрыв глаза умершему, брат Винциус прочел над ним краткую молитву и осенил святым знаком, после чего поднялся с колен и обратился к растерянному Умберто:

– Да, брат мой, смерть идет не только следом, но и впереди нас.

– И что же нам теперь делать? – не сводя глаз с лица умершего, спросил послушник.

– Ну, во всяком случае, бить в гонг мы теперь не будем, – осторожно высываясь из расселины и оглядываясь вокруг, бросил брат Винциус. – У нас два пути – идти в Новый город

либо же, последовав указанию настоятеля, дойти до старого Рас-Халейна.

— А не ждет ли нас и там засада? Не может быть так, что все эти нападения были ради вашей реликвии, брат Винциус... — с тревогой заметил Умберто.

— Возможно, ты прав, — нехотя ответил монах, — а возможно, и нет. Путь на Восток всегда был опасен, а в последнее время — особенно. Тем не менее Новый город далеко, и его от нас отделяют многие лиги песков, кишящих нагами. А развалины старого Рас-Халейна начинаются всего в лиге отсюда, вон за теми холмами. Кроме того, мне велено отдать реликвию настоятелю.

— Но ведь возможно, что разбойники засели наверху... — попытался возразить брат Умберто.

— Если мы рискнем и выйдем прямо сейчас, то успеем достичь холмов до того, как солнце взойдет выше и они смогут нас заметить, — ответил Винциус. — Жизнь наша в руках Спасителя, друг мой. Прочтем же молитву Чистой Тишины и идем, ибо так велит нам долг и подсказывает мне сердце. С помощью Небес мы затеряемся среди руин, отыщем выживших и вместе выберемся из этих страшных мест. Вперед!

И оба монаха, накинув на головы капюшоны своих ряс, покинули расселину и заспешили к невысокой гряде дюн, надеясь опередить настигающий их рассвет.

Если бы они оглянулись, то, возможно, смогли бы заметить зловещий черный силуэт всадника, выехавшего из тени

привратной скалы.

Глава 6

Пески Рас-Халейна

Солнце уже высоко поднялось над линией холмов, когда усталые путники достигли стен Старого города. Некогда высокие и неприступные, сейчас они являли собой печальное зрелище – наполовину занесенные наступающими песками, с обвалившимися зубцами, полуразрушенными круглыми башнями из серого песчаника и зияющими дырами проломов. Но тем не менее серые стены, которые уходили за горизонт как слева, так и справа, по-прежнему поражали, и, впечатленный размерами древних сооружений, брат Умберто робко спросил своего спутника:

– Брат Винциус, как же мы отыщем в таком огромном городе настоятеля Пустыни? Или вы уже бывали здесь раньше? Может, внутри все же кто-то живет?

– Нет, – ответил монах, – я тоже видел Старый Рас-Халейн только издали. Город заброшен уже более двухсот лет, с тех пор как его колодцы иссякли, а море отступило отсюда на пять лиг к югу. Тогда все жители покинули свои дома и построили Новый город у моря, а здесь, насколько я знаю, обитают лишь змеи, ящерицы и шакалы. Однако если место встречи – царский дворец, то я полагаю, что нам скорее всего надо будет просто отыскать главные городские ворота, а

центральная улица от них приведет нас прямо к дворцу.

Монахи, стараясь держаться в тени, которую бросали полуразрушенные стены, двинулись вокруг города. В одном из мест ветер нанес особенно высокую дюну, доходившую прямо до пролома в старой стене. Взираясь наверх, брат Умберто обратил внимание на странные следы в паре десятков шагов – широкие, слегка изогнутые на концах ряды параллельных друг другу полос. Следы начинались внезапно и столь же внезапно исчезали. Послушник с тревогой указал на них своему спутнику, и тот, бросив короткий взгляд, мрачно сказал:

– Да, я уже некоторое время как замечаю их. Это наги, здесь они выходили на поверхность.

Брат Умберто принялся беспокойно оглядываться по сторонам, и наставник поспешил успокоить его:

– Не волнуйся так, юноша. К счастью, приближение нага выдает характерный шорох, а я был настороже всю ночь. Кроме того, эти чудища активны после захода солнца и редко выползают наружу днем. Так что у нас с тобой еще есть время.

К радости монахов, с другой стороны стены напротив пролома также возвышался большой холм из нанесенного ветром песка, так что прыгать им пришлось с высоты не более пяти локтей. Дальше, по совету брата Винциуса, путники свернули налево и пошли вдоль стены, надеясь найти городские ворота. Странная и непривычная картина вставала

перед их глазами. Одно— и двухэтажные дома с обвалившимися крышами и проломленными стенами подступали к городской стене почти вплотную. Часть домов полностью или целиком была занесена песком. Налетавший время от времени ветер, уныло завывая между руин, разносил по узким улочкам города маленькие пыльные вихри. Не раз брат Умберто краем глаза замечал, что поднявшийся в воздух песок складывается в странные, похожие на неведомые создания призрачные фигуры. Среди серых и песчано-желтых руин не было ни клочка зелени, и лишь одинокие пустынные колючки цеплялись за камни и тянули к синеве неба свои шипастые сухие ветви. Печальная атмосфера огромного покинутого города угнетала молодого послушника, и он, несмотря на крайнюю усталость, старался ни на шаг не отставать от своего наставника.

Через полчаса, так и не найдя ворот, брат Винциус остановился. Взглянув на еле стоявшего на ногах Умберто, монах произнес:

– Лучше всего сейчас нам устроить привал. Два дня пути без отдыха – это слишком, нам необходимо поспать. Переедем полуденный зной, а затем возобновим поиски. Рас-Халейн велик, но, полагаю, к вечеру мы обязательно найдем дворец.

Для отдыха брат Винциус выбрал один из находящихся неподалеку домов. Крыша его давно провалилась, но стены были еще крепки, внутри почти не было вездесущего песка, а

ущелевшие перегородки давали благодатную тень. Еды у монахов не было, и, утолив жажду несколькими глотками воды из фляги, которую успел прихватить с собой Винциус, путники стали готовиться к отдыху. Первым дежурить вызвался брат Винциус, и Умберто, с благодарностью укладываясь на каменном полу, спросил:

– Брат Винциус, а что это за существа – наги?

– Точно этого никто не знает, – ответил монах, – но в глубокой древности, еще за тысячи лет до прихода Спасителя, местные жители поклонялись им как божествам. Судя по всему, это не простые животные. Говорят, некогда они были слугами Владыки Разрушения, но после его падения почти утратили разум и одичали. Последние несколько лет ходят слухи, что Культ Змеи, как называли себя почитатели нагов в древности, вновь набирает силу и стал весьма распространен вдоль всего Восточного побережья. И даже будто бы власти некоторых городов являются тайными адептами этого культа... Впрочем, это всего лишь слухи. А теперь, брат Умберто, спи, я разбужу тебя на смену через час после полудня...

Тени домов уже погрузили узкие улочки Рас-Халейна в прохладную полутьму, а солнце почти закатилось за развалины городских стен, когда отдохнувшие монахи покинули свое дневное пристанище. Оказалось, что они не дошли до главных ворот всего один квартал. Как и предполагал брат Винциус, от обвалившейся арки ворот в глубь города вела

широкая, мощенная камнем дорога. Ступая в тени домов – не крошечных развалюх, которые облепили стены города, а настоящих громад, через десять минут монахи оказались на просторной площади. Золотистые лучи предзакатного солнца освещали обширное приземистое здание, занимавшее всю противоположную сторону пустынной площади. Позади покрытой частично сохранившимися изразцами передней стены виднелся наполовину обрушившийся купол, а по бокам здания возвышались остатки конусовидных башен. Слепыми черными провалами глядели на площадь скрывающиеся в тени галерей окна, а высокий арочный вход был похож на пасть какого-то неведомого чудовища. Прямо перед дворцом длинным рядом возвышались засохшие, узловатые остовы старых деревьев, начисто лишенные коры. И к одному из этих деревьев были привязаны три кряжистые оседланные лошади.

Поспешно перейдя пустынную площадь, монахи подошли к лошадям. Ласково потрепав холку одной из них и осмотрев ее седло, брат Винциус сказал:

– Судя по всему, это лошади из Пустыни. Похоже, настоятель отец Канпус и кто-то из монахов здесь. Лошади сыты и даже вроде бы не чувствуют жажды. Надеюсь, у настоятеля еще осталась какая-нибудь еда и вода и для нас.

И путники, поднявшись по широким ступеням дворца, вступили в прохладный полумрак входной арки.

Изнутри дворец сохранился гораздо лучше, чем снаружи.

Но все здесь казалось каким-то чужим. Темные узкие коридоры, по-видимому, освещались некогда факелами. Сейчас же мрак разгоняли лишь слабые лучи, падавшие сквозь трещины в крыше. Брат Умберто опасливо косился на черные провалы ниш и боковых проходов, стараясь держаться поближе к спутнику.

– Злое место, – пробормотал негромко Винциус. – Слышал я, что Рас-Халейн построен на месте города нагов. Но до сих пор думал, что это сказки...

Оба монаха вздохнули с облегчением, когда наконец впереди показался яркий свет. Сумеречные коридоры остались позади, и они ступили под своды огромного зала. Увы, он куда больше пострадал от безжалостного времени, нежели коридоры. Часть колонн, поддерживающих купол крыши, обрушилась. Да и сам свод, лишенный большей части опор, почти весь провалился вниз. Огромные каменные глыбы вдребезги разбили прекрасный некогда мозаичный пол, покрыв его гигантской паутиной трещин. Не пощадили они и бассейн в центре зала, занимавший почти треть всей его площади.

– Отец Канпус! – вскрикнул вдруг Умберто, заметив на противоположном конце зала небольшую фигуру в песчаного цвета рясе.

Настоятель Пустыни сидел на обломке одной из колонн и то ли дремал, то ли был погружен в молитву. Глаза его были прикрыты, а руки сложены на животе.

– Не спеши. – Брат Винциус схватил дернувшегося было вперед послушника за рукав рясы. – Пол здесь может быть ненадежен из-за всех этих трещин. Да и свод еще не весь обрушился. Идем осторожно.

Они прошли почти половину пути, старательно переступая через трещины и поглядывая наверх, когда вдруг Винциус оттолкнул юношу назад.

– Пол здесь может провалиться, придется обойти кругом, – сказал он громко удивленному брату Умберто, а затем чуть слышно прошептал: – Возвращаемся, впереди ловушка. Посмотри на настоятеля внимательно.

Умберто, стараясь скрыть волнение, молча кивнул и повернул назад. Внимательный взгляд, брошенный на отца Канпуса, раскрыл причину догадки Винциуса. С этого расстояния можно было различить веревку, спрятанную под сложенными руками священника, которой, судя по всему, бесчувственное тело было привязано к обломку так, чтобы казаться сидящим на нем.

Вернуться к спасительным коридорам монахи не успели. Раздался пронзительный свист, и из-за обломков купола выскочили человек десять в светло-коричневых одеждах с кривыми саблями в руках. Двоих сбил с ног Винциус, третьего Умберто, ловко уклонившись от занесенного лезвия, заставил сложиться пополам ударом посоха в живот. Но нападавших было слишком много, и остальные, накинувшись на паломников всем скопом, оглушили их и крепко привязали к

двум обломкам колонн, стоявшим подле бассейна.

Придя в себя, брат Умберто попытался пошевелить заломленными назад руками, но напрасно – они были туго стянуты жесткими волосяными веревками. Когда молодой послушник поднял глаза, то увидел, что перед ним стоят два высоких сухощавых разбойника с бритыми головами. А неподалеку, сбросив с головы капюшон потрепанной коричневой рясы, примостился на обломке упавшего с купола камня толстяк. Взглянув на его несколько осунувшееся, но все еще лоснящееся салом лицо, Умберто невольно вскрикнул – перед ним был келарь монастыря Прохода Тысячи Мучеников, брат Отус. Толстяк же, не обращая на него никакого внимания, с маслянистой улыбкой на губах довольно рассматривал привязанного к соседней колонне брата Винциуса. С ненавистью глядел тот на толстого келаря:

– Отус, предатель... – прошептал брат Винциус, с трудом шевеля разбитыми в кровь губами. – Как давно ты стал рабом Тьмы?

– Не рабом, а преданным слугой! Пять лет назад, брат Винциус, пять лет назад, – слащаво-приторно ответил келарь. – Пять лет как поклялся в верности я Черной Троице и с тех пор ни разу не пожалел об этом.

– Небеса покарают тебя! – воскликнул Винциус.

– Небеса далеко, а Царство Подземных Владык рядом, – жестко ответил ему Отус. Улыбка пропала с его лица, и, встав с камня, толстяк со злостью бросил: – Разве Небеса

помогли тебе, Винциус? Нет, они будут безучастно наблюдать за вашей гибелью. Которая лишь приблизит пришествие Властителей Мрака и сюда, на землю.

– Эй, вы! – повернувшись к молча скалившим зубы разбойникам, приказал келарь. – Завяжите этому святоше рот. Этот старый плут даже со связанными руками может натворить много бед... Да и этому пискуну, – мельком глянув на Умберто, добавил он, – тоже заткните пасть. Мало ли чему старый пес научил щенка!

Когда двое разбойников затолкали во рты обоих монахов плотные кляпы, Отус подошел вплотную к Винциусу и начал ощупывать его рясу. С торжеством на лице толстяк запустил свою руку за пазуху брату Винциусу и осторожно извлек оттуда продолговатый сверток. Бережно спрятав его себе под балахон, келарь с довольной ухмылкой вновь обратился к связанным монахам:

– Не зря я целый месяц гонялся за вами по этим проклятым пескам! Владыки будут довольны мною. А вы... пришло время вам отправиться в Ад и встретиться с ними лично. Неужели же вы надеетесь попасть на небеса? – захохотал толстяк, после чего, повернувшись к одному из разбойников, сухому, как мумия, сказал: – Эй, Гариб, твои крошки, наверное, уже проголодались!

На лице тощего разбойника появилась довольная ухмылка, и он, повернувшись, направился к высохшему бассейну. Став на его бортик прямо над широкой трещиной, достигав-

шей самого дна, лысый разбойник громко и протяжно засвистел. Сначала ответа не последовало, но после повторного свиста из темноты трещины послышались шипение и шорох. При этих звуках Отус подошел поближе к лысому Гарибу, а остальные разбойники поспешно отодвинулись подальше от связанных пленников.

– Старику повезло, – вытирая пот со лба и показывая в сторону обвисшего на веревках настоятеля, проворчал келарь. – Он умрет, не приходя в сознание. Не хотел бы я быть съеденным заживо.

С ужасом смотрел брат Умберто на осыпавшийся край бассейна. Шипение и свист, такие знакомые и пугающие, нарастали. Наги! Борясь с накатившей волной паники, брат Умберто попытался вспомнить все, чему успел научить его брат Винциус. Но разве можно сделать хоть что-нибудь, если руки твои стянуты за спиной, а рот забит кляпом? В отчаянии Умберто попытался прочесть про себя молитву Святой Мощи. Стараясь сконцентрировать все свои ощущения на связанных кистях рук, молодой послушник пытался направить туда всю мощь своей духовной силы в надежде одним рывком разорвать связывающие его путы. Но когда сила уже стала наполнять его отекающие руки, все старания Умберто сосредоточиться на беззвучно читаемой молитве пошли прахом. Прямо напротив него над обрезом кромки бассейна показались три пары желтых глаз, рассеченных вертикальными черными зрачками. С содроганием узнал брат Умберто изви-

вающиеся тела и клыкастые пасти, вернувшиеся из кошмара давешней ночи. Перевалив через край бассейна, три огромных нага с тихим шуршанием стали медленно приближаться к своим жертвам.

Глава 7

Неожиданная встреча

Огромные чешуйчатые твари, казалось, знали, что добыча никуда от них не денется. Как зачарованный смотрел послушник на морды страшилищ, уродливое подобие человеческих лиц, на короткие когтистые лапы, на изогнутые клыки, с которых капала желтая тягучая жидкость. «Яд, – почему-то подумал брат Умберто. – Спаситель, пошли мне силы встретить смерть с честью!»

– Нет, дорогие мои, – прокаркал сухим скрежещущим голосом Гариб, словно прочитав мысли юноши. – Умереть от яда было бы слишком для вас легко. Слюна моих деток не даст вам сдохнуть раньше, чем вы увидите, как они пожрут ваши сердце и печень! – И он захихикал.

Клыки чудовищ уже были готовы вонзиться в плоть паломников и все еще бесчувственного настоятеля, как воздух наполнился свистом стрел. И тут же пронзительно взревели наги – в каждого из них вонзились по крайней мере три стрелы. Тварь, которая собиралась сожрать Умберто, была убита сразу – и грузно рухнула ему под ноги, извиваясь в смертель-

ной агонии. Из каждой глазницы торчали вошедшие почти целиком, до оперения, древки. Два других нага торопливо скрылись в трещине бассейна, оглушительно шипя и оставляя на выщербленном полу темно-зеленые кровавые следы.

Снова свистнули стрелы, и двое разбойников замертво рухнули под ноги своих товарищей. Оставшиеся в живых схватили сабли и, не дожидаясь нового залпа, бросились на покрытых кольчугами солдат, которые выскочили из одного из боковых проходов в зал. Окруженные со всех сторон бандиты сражались столь ожесточенно, что, если бы не вдвое большее число напавших и не надежная броня, защищающая их, неизвестно, кто бы вышел победителем из этого боя. Но силы были слишком неравны, и один за другим разбойники были убиты. Солдатам, судя по всему, приказано было пленных не брать – один из бандитов, который, бросив оружие, рухнул на колени, моля о пощаде, был тут же изрублен на куски. Троим, однако, удалось бежать – в самом начале сражения, пока лучники расстреливали исполинских змей, лысый Гариб, брат Отус, оказавшийся в момент смертельной опасности весьма шустрым, несмотря на свою полноту, а также еще один негодяй успели спрыгнуть в бассейн и скрыться в зияющей трещине.

Все это произошло настолько стремительно, что брат Умберто не успел и до половины прочесть Молитву Нечаянного Избавления, как почувствовал, что путы, стягивавшие его, ослабели. И тотчас странно-знакомый голос жарко прошеп-

тал ему в ухо:

– Надеюсь, теперь мы в расчете, прекрасный послушник.

– Анти? – изумленно вскрикнул юноша, как только избавился от кляпа. И тут же замолчал снова, ибо к губам его приникли горячие губы молодой крестьянки, да и сама она всем телом прижалась к нему.

– Да, – промурлыкала она, все еще прильнув к смущенному донельзя паломнику. – Ты спас жизнь мне, а я тебе. Впрочем, – она подмигнула, – можешь меня просить о чем угодно. Ради тебя я готова на все.

– Тогда, пожалуйста, – Умберто виновато посмотрел на все еще связанного брата Винциуса, – помоги мне освободить моего товарища. У меня затекли руки.

Между тем Винциус извивался, стоя у своей колонны, ибо солдаты, вместо того чтобы его развязать, топтались у расщелины, в которой скрылись уцелевшие разбойники и змеелюди. Без всякого энтузиазма они рассуждали об опасностях погони за ними.

– Все, что тебе угодно, – лукаво улыбнулась Анти и одним ударом короткого ножа, который она извлекла откуда-то из складок своего платья, освободила второго монаха. – А этого старикана тоже освободить? – Она кивнула в сторону настоятеля Канпуса, который все еще был без сознания.

– Спасибо, добродетельная девица, я сам, – решительно отстранил ее брат Винциус. Умберто показалось, будто во взгляде наставника мелькнула какая-то настороженность, а

в голосе совершенно точно прозвучала усмешка.

– Как скажете, ваша святость. – Анти склонила голову. – А я тогда помогу прийти в себя нашему юному другу. У него затекли руки, и если я их немного помассирую, кровь быстрее побежит по жилам.

– Брат Умберто уже в полном порядке, – твердо сказал Винциус, – и ему полезно будет попрактиковаться в искусстве Молитвы Исцеления. Идем, юноша. А ты, девица, если у вас есть вода, принеси нам попить во имя Спасителя.

– Это та самая девушка, которая... – словно оправдываясь, начал Умберто, когда они отошли от Анти.

– Я понял, – прервал его Винциус. – Но не кажется ли тебе странным, что она вновь встретилась с нами, так далеко от Обители Прохода Тысячи Мучеников? Впрочем, давай-ка займемся отцом Канпусом.

Оба монаха, развязав настоятеля, уложили его на плащи, которые Умберто собрал в зале. Изможденное лицо старика пересекал свежий, едва затянувшийся шрам, а на разбитых губах засохла кровь.

– Создатель, дозвожь мне поймать этих негодяев живыми, – мрачно прошептал Винциус, до белизны в костяшках сжимая кулаки. – Брат Умберто, ты помнишь Молитву Исцеления?

Умберто кивнул.

– Тогда начнем.

Минут десять монахи сосредоточенно молились. Увы, хо-

тя лицо настоятеля просветлело, но в себя он так и не пришел.

– Нужно время, – пробормотал брат Винциус. – Мы сделали все, что могли. Теперь нужно время, чтобы сознание и силы вернулись к нему.

– Вода. – Неслышно подошедшая Анти протянула паломникам флягу.

– Благодарю. Благослови тебя Спаситель. – Винциус, как показалось послушнику, внимательно посмотрел на девушку и смочил влагой лоб отца Канпуса. – Это последняя?

– Нет, что вы. – Она улыбнулась. – У нас несколько лошадей, навьюченных бурдюками с водой.

– Это хорошо. – Старший монах, сделав сначала небольшой глоток, словно пробуя воду на вкус, кивнул, после чего, осушив вторым глотком флягу почти наполовину, протянул остатки юноше. – Еще немного, и если не наги, то жажда убила бы нас.

– Но почему они не преследуют этих разбойников? – возмущенно спросил Умберто, глядя на все еще топчущихся у трещины солдат.

– Потому что я не давал им такого приказа, – раздался рядом негромкий спокойный голос. – Подземные ходы Старого города простираются на много лиг, далеко выходя за его стены... Наги чувствуют себя там как дома... И не только наги...

Обернувшись, паломники увидели высокого мужчину лет

сорока, чья броня и вооружение выдавали в нем офицера.

– Ден Амир, счастлив служить святым людям и делу Спасителя, – представился он. – Дозволено ли будет мне узнать...

– Эти негодяи похитили свящ... – пылко, хотя и довольно невежливо прервал его брат Умберто.

– Священное право на паломничество. – Винциус словно клещами сжал плечо послушника. – Брат Винциус и брат Умберто, смиренные слуги Спасителя. И мы не устанем благословлять вас за избавление от смерти.

– Ну что вы. – Ден Амир пожал плечами. – Это мой долг. Впрочем, если бы не эта отважная девица, которая убедила вице-губернатора Нового города в том, что здесь скрывается некая банда, то все могло бы закончиться куда печальнее для вас.

Анти смущенно потупилась, но послушнику показалось, что она лукаво при этом улыбнулась. Невольно юноша вспомнил о поцелуе и объятиях девушки и покраснел, надеясь, что в наступающих сумерках этого никто не заметит.

– Не думаю я, что моя история столь же интересна, как ваша. – Анти присела на один из обломков свода. – Но что привело вас в эти края, святые люди?

– Служение Спасителю, – сухо ответил брат Винциус. – Однако позволь нам сначала выслушать твой рассказ.

– Да, куда ты тогда пропала? – Умберто, смущенный своей собственной внезапной горячностью, снова покраснел.

– Тогда, в Обители, едва отважный брат Умберто спас меня из лап этих злопоклонников, я попала в плен к Клану Крови. Вы помните – они как раз напали на Обитель. Это было ужасно. – Голос девушки задрожал, казалось, она вот-вот разрыдается. – Эти козлоногие твари захватили меня и еще несколько пленников и потащили к себе в стойбище. Они собирались принести нас в жертву Черным Владыкам... А тех, кто не мог дальше идти, они... – Плечи ее затряслись. – Они их съедали. Пожирали, словно скот.

– А откуда ты узнала, что вас хотят принести в жертву? – Брат Умберто осторожно погладил ее по плечу, пытаюсь успокоить. И тут же она всем телом прижалась к нему, всхлипывая от воспоминаний о перенесенном ужасе.

– Некоторые из этих чудовищ говорили по-человечески. Они нарочно запугивали нас. – Чуть помолчав, Анти немного упокоилась и смогла продолжить свой рассказ: – К счастью, мне удалось бежать. Когда мы шли по одной тропе, начался камнепад. Я скатилась вместе с лавиной вниз, чудом оставшись целой. А потом, подождав, пока эти чудовища уйдут, попыталась найти дорогу назад, в Обитель. И заблудилась. Два дня я блуждала в горах, каждую секунду ожидая, что вот-вот снова столкнусь с этим ужасным Кланом или каким-нибудь хищником или оборотнем. Я уже совсем отчаялась и обессилела от голода и жажды, когда встретила караван, идущий на Восток.

– А откуда он шел? – спросил брат Винциус, внимательно

слушавший историю девушки. При этом он не забывал время от времени смачивать водой лоб отца Канпуса, который все еще был без сознания.

– Я не спросила. Я была так счастлива, что встретила людей – и мне было все равно, откуда и куда они идут. А потом мы вышли к этому ужасному побоищу... Растерзанные трупы лошадей и людей... Почти полностью обглоданные тела... Караванщики называли это место Ближний Оазис...

Брат Умберто побледнел, поняв, о каком побоище рассказывает Анти и какая участь постигла их спутников. Да и он сам вместе с Винциусом мог бы оказаться среди тех обглоданных тел, если бы не приказ наставника бежать в пустыню.

– В живых остался только один несчастный, – продолжала между тем девушка, – да и то он от пережитого ужаса повредился умом. Ему удалось спастись, укрывшись под трупами двух лошадей. Он все твердил о том, что повелители нагов разыскивали каких-то двух монахов и собирались захватить их в Старом городе. Не знаю почему, – сквозь слезы она попыталась улыбнуться Умберто, – но я подумала о тебе. Наверно, именно поэтому, едва мы добрались до Нового Рас-Халейна, я постаралась попасть на прием к вице-губернатору.

– До нас давно доходили слухи, – вмешался офицер, – что в развалинах Старого города скрывается какая-то банда, которая потрошит караваны. Но мы никак не могли застать их врасплох. Так что этой отважной девице не составило боль-

шого труда убедить нас отправить сюда отряд. И она оказалась права.

Ден Амир кончиком сабли вспорол лохмотья на трупe одного из бандитов, который валялся неподалеку. На окровавленной груди четко вырисовывалась омерзительная татуировка – наг, пожирающий человеческие сердце и печень.

– Культ Змеи... – пробормотал Амир, – этого я и опасался...

В это время старый настоятель, отец Канпус, вздохнул и открыл глаза.

Глава 8

Зов океана

– Дети мои, – чуть слышно прошептал отец Канпус разбитыми губами, слегка приподнимаясь. – Вы живы, хвала Спасителю.

Он попытался коснуться Винциуса, стоявшего рядом, но слабость его была еще велика, и рука бессильно упала. Монах, лицо которого просветлело, как только старый настоятель пришел в себя, поднес ему флягу:

– Попейте, ваша святость, это укрепит ваши силы. И не волнуйтесь, наши храбрые воины, – он указал на офицера, вместе с братом Умберто приблизившегося к отцу Канпусу, – прогнали этих негодяев. Но скажите, что случилось с Пустыню?

– Благодарю, сын мой. – Настоятель сделал несколько глотков и откинулся назад. – Терпение. Мне нужно еще несколько минут.

Он прикрыл глаза и, сложив пальцами рук странную фигуру, беззвучно зашевелил губами. «Молитва Семи Праведников», – шепнул Винциус послушнику. Когда настоятель открыл глаза и заговорил, голос его был уже гораздо громче, да и сам он заметно оживился.

– Увы нам, увy! – горестно вздохнул отец Канпус. – Небеса оставили нашу скромную обитель и отвернулись от своих верных слуг! Один я, старый грешник, остался в живых. Брат Онусио, юный Джали, добрый брат Вакус – боюсь я, что все они теперь могут уповать только на милость Творца.

– Но ведь ваша Пустынь всегда считалась неприступной! – прервал сетования настоятеля начальник стражи. – Как мог десяток-другой жалких оборванцев захватить ваш монастырь?!

– Ох, сын мой, – со стоном ответил старик, – это были не простые разбойники. Я и почти все братья были в нашей скромной молельне, ибо настал час вечерней благодарности Высшим Силам. Как вдруг ужасный грохот поразил наш слух, пол задрожал под ногами, посыпались камни, а в залу вбежал Джали, крича, что на землю вернулась Черная Троица. Мы выбежали из молельни – и, о ужас, можно было подумать, что наш юный послушник ничуть не приуменьшил, говоря о воцарении царства Зла. Из старых келий, сте-

ны которых покрыли трещины, выползали наги, а по стенам, которые мы в гордыне своей считали неприступными, карабкались разбойники. Многие наши несчастные братья были разорваны или разрублены на куски тотчас же. Мне же вместе с братьями Онусио и Вакусом при помощи Джали, который оказался куда смелее, нежели мы думали, удалось ускользнуть по старому водостоку...

– Но, отец Канпус, – не выдержал Умберто, – неужели ваши молитвы не могли остановить этих...

– Святые отцы Пустыни практиковали молитвы Исцеления и Укрепления Духа, – строго сказал брат Винциус. – Покорно прошу простить моего спутника, юный Умберто слишком горяч... хотя иногда этот недостаток обращается на пользу... Причем не только ему одному.

– Подойди, юноша. – Старый настоятель неожиданно крепко схватил Умберто за руку. – Я чувствую, что в тебе есть нечто, что может обратить тебя и к Добру, и ко Злу, пряча одно под личиной другого. Наклонись ближе. – И он прошептал ему несколько слов. – Этот псалом позволит тебе увидеть сокрытое за явным. Но слушайте же, ибо силы мои вновь уходят. Мы решили укрыться в Старом Рас-Халейне, так как не сомневались, что негодяи устроят нам засаду на дороге в Новый город. Оставив Джали, чтобы он направил вас ко мне, ибо о приходе двух паломников мне было давно известно, мы с двумя братьями бежали. Но, о горе, когда мы уже почти достигли спасительных стен, пески раз-

верзлись, и не меньше полудюжины огромных нагов бросились к нам. Мы обратились к Спасителю с прощальной молитвой, ибо не сомневались, что жить нам осталось считанные секунды. Но мерзкие твари не тронули нас, а окружили, не давая тронуться с места. Казалось, они ждали кого-то. И действительно, вскоре показались несколько разбойников. Странно, но лицо одного из них показалось мне знакомым – словно я уже встречал этого толстяка когда-то давно, на Западе. Потом другой, тощий, словно пустынная колючка, бандит отдал приказ змеям, обратившись к ним на их шипящем языке, после чего они, вероятно, оглушили нас своими хвостами... Больше я ничего не помню, – вздохнул отец Канпус, снова откидываясь назад. – Лишь молю Спасителя, чтобы бесстрашный Джали остался...

Он осекся, глядя на брата Винциуса, который печально покачал склоненной головой. Настоятель закрыл глаза, только одинокая слеза медленно стекла по морщинистому лицу.

– Храбрый юноша до конца исполнил свой долг. – Пораженному Умберто показалось, что голос его наставника вздрогнул. – Ибо он передал нам ваше послание, куда нам следует идти. Что же касается негодяя, которого вы узнали, – вам не показалось. Когда вы три года назад посещали нашу Обитель, то наверняка встречались с Отусом. Я чуть было не назвал его «братом»! Он и еще двое предателей оказались адептами Черной Троицы.

– Зло поднимает голову, – подал голос Ден Амир, до этого

почтительно молчавший. – Все чаще нам приходится иметь дело вот с такими. – Он брезгливо пнул ногой труп татуированного бандита. – И не только – говорят, что Черная Троица набирает силу во всех пяти сторонах света.

– Несомненно, все эти нападения – и на нашу Обитель, и на Пустынь, и стычки на дороге и здесь, в городе, как-то связаны, – задумчиво пробормотал брат Винциус, однако Умберто расслышал его слова... И они ему очень не понравились...

– Я слабею, – прошептал отец Канпус. – Прошу вас, – обратился он к Амиру и Анти, – оставьте меня наедине с братьями, ибо я должен очистить свое сердце и душу перед тем, как покину земную твердь. Боюсь, что дороги я уже не перенесу.

Амир коротко поклонился и отошел к своим солдатам, которые все еще переговаривались у трещины на дне бассейна. Анти с видимой неохотой последовала за ним. В бассейн она, впрочем, спускаться не стала, а отошла туда, где падающие камни пощадил мозаику пола, и стала рассматривать хитрые завитки ее узоров.

– Итак, братья, – голос настоятеля, который, оглянувшись, убедился, что они остались наедине, неожиданно окреп, – отец Торус в секретном послании, полученном мною из Обители Прохода Тысячи Мучеников, сообщил о вашей священной ноше. Увы, но укрыть ее в нашей Пустыни, вдали от нечистых лап Кланов, уже не удастся. Зло повсюду. Счастье,

что вам удалось сохранить ее на пути к нам. – Он осенил себя знамением Копья.

– Отец настоятель, – нерешительно начал Винциус, но отец Канпус взмахом руки остановил его.

– Вы не представляете, что может случиться, если наша святыня попадет в руки адептов Черной Троицы. Ибо ее сила может как остановить Зло, так и, попади она им в руки, помочь ему воцариться навеки. И только новое Пришествие Спасителя в состоянии будет вновь очистить землю от скверны.

Брат Умберто с ужасом уставился на Винциуса, вспоминая торжествующую гримасу Отуса, достающего таинственный сверток из рясы наставника. Но сможет ли пережить измученный настоятель известие о том, что святыня похищена? Об этом, вероятно, подумал и брат Винциус.

– Скажите, святой отец, но не знаете ли вы, что стали бы делать разбойники, если бы смогли забрать у нас священную Длань? – осторожно спросил монах. – Где нам нужно было бы искать похитителей? Что они хотят сделать с помощью святыни?

– Не знаю, – немного подумав, ответил отец Канпус, – но могу сказать, что скорее всего ее доставили бы в Колкарн. Я знаю, что Длань Спасителя как-то связана с этим древним городом.

– Если такое вдруг случится, святой отец, то мы обойдем все страны за Океаном, лишь бы не позволить использовать

Длань Спасителя в темных целях! – тихо, но твердо пообещал Винциус, многозначительно глядя на Умберто.

– С другой стороны, – подхватил Умберто, скорее отвечая Винциусу, так как паломничество его грозило затянуться куда дольше и дальше, чем он мог когда-то помыслить, – что могут сделать два скромных монаха против всех сил Зла? Если святыня попадет в руки слуг Неназываемых, – теперь уже он многозначительно посмотрел на Винциуса, – нужна будет вся мощь всех Общин, чтобы вернуть ее обратно.

– Верно говоришь, юноша, – кивнул настоятель. – Но все-таки ни в коем случае не допустите, чтобы ваша ноша попала к прислужникам Черных Владык. Ибо тогда даже всех сил слуг Спасителя может оказаться недостаточно. Так как чаша весов земных сейчас склонена на черную половину.

– Что же, – Винциус на секунду взглянул прямо в глаза Умберто, после чего отвернулся, – когда... Вернее, что нам нужно делать с Дланью Спасителя теперь, когда Пустынь разорена?

– Колкарн, город ста храмов, древняя столица Спасителя. Вам нужно найти старый алтарь Самого Первого Храма... Который давно потерян... Святыня сама подскажет вам, что нужно делать потом – пророчества слишком запутанны...

– Значит, мы... Вернее, я, – быстро поправился брат Винциус, уже не глядя на юношу, – найду этот алтарь. Тем более что похитители Длани, наверное, тоже стали бы его искать?

Умберто со стыдом смотрел на старшего товарища, бок о

бок с которым он преодолел сотни лиг, который многому его научил. Вместе, плечо к плечу, они прошли сквозь смертельные опасности. Неужели теперь он бросит его? Устыдившись внезапной трусости, Умберто решительно сказал:

– Не сомневайтесь, отец Канпус, мы выполним наш долг... Но как нам попасть в Колкан?

– Колкарн, – поправила его неслышно подошедшая девушка. – Простите, ваши святости, но мне показалось, что отец настоятель уже очистил свою душу... И я случайно услышала, как милый послушник, – при этих словах Умберто покраснел, а Винциус ухмыльнулся, – упомянул этот город. Если вы собираетесь туда, позвольте мне отправиться с вами!

– Что? – Эта просьба поразила старшего монаха настолько, что он ничего не смог добавить. Но неожиданно вмешался настоятель:

– Почему ты хочешь попасть туда, юная девица?

– Я родилась там, – скромно склонив головку ответила Анти. – Впрочем, по мне это, наверно, заметно. Но когда мне было всего десять лет, моим родителям пришлось отсюда... уехать... – Она явно замялась, подбирая слова. – Раньше там были распространены довольно суровые церковные правила...

– Она права, – печально кивнул головой отец Канпус. – Священники Колкарна, борясь со Злом, иногда сами столь близко подходят к нему, что... Будьте осторожны, дети

мои... Но зачем ты стремишься вернуться, дочь моя?

– Родители давно умерли, я осталась совсем одна, – жалобно сказала девушка, бросив быстрый взгляд на Умберто. – И надеюсь, вдруг мне удастся найти кого-то из родных. Или хотя бы взглянуть на знакомые места – я отлично помню жаркие улочки Колкарна. Странно, можно подумать, что я бегала по ним лишь вчера...

– Путь за океан опасен, – пробормотал Винциус. – Ты не хочешь подыскать себе более спокойных спутников?

– Разве может пожелать благонравная девица лучших товарищей в путешествии, нежели слуги Спасителя? – лукаво спросила Анти. – Кроме того, я же сказала, что отлично помню город. Так что если вы будете милостивы к несчастной сироте, я смогу отблагодарить вас, когда вы будете искать алтарь или что там вам нужно...

– Слишком у некоторых несчастных сирот длинные уши, – пробормотал недовольно себе под нос брат Винциус, а вслух сказал: – Ладно, договорились, до Колкарна добираться вместе... А там посмотрим... Простите, отец настоятель, нам надо спешить!

– Благословляю вас. – Рукой, которая дрожала отнюдь не от слабости, отец Канпус осенил их знаменiem Копья. – Пусть Сила Спасителя пребудет с вами!

К счастью, стражникам Ден Амира удалось захватить принадлежавших разбойникам лошадей. Так что все трое, под охраной еще трех солдат, любезно выделенных офицером,

вскоре покинули сначала стены дворца, а затем и сам Старый Рас-Халейн, спеша как можно быстрее добраться до Нового города. Ден Амир же с остальными солдатами решил переждать во дворце ночь, рассчитывая, что, быть может, разбойники вернутся в свое логово.

— Я уверен, что эти негодяи уже далеко отсюда. — Винциус подскочил ближе к Умберто, нещадно погоняя своего скакуна. — Будем надеяться, что до наступления ночи они не успеют отплыть, а от темноты и до рассвета ни одно судно не покидает порт — таковы законы Нового города.

Словно сон вспоминал потом брат Умберто ту стремительную скачку во мраке ночи. Как ветер летел вперед его могучий конь. Звонко стучали копыта по каменистой дороге, петляющей между темными холмами барханов. Размытыми пятнами света мелькали впереди факелы воинов на фоне высокого небосвода, усыпанного мириадами ярких звезд. Никогда еще не доводилось молодому монаху испытывать такое упоительное чувство стремительной скачки.

Но вот дорога в очередной раз круто свернула, и перед путниками возникли силуэты приземистых башен и стен города. С привратной башни послышался строгий оклик. Путники пустили коней шагом, а один из стражников выступил вперед и крикнул в ответ что-то неразборчивое. Полукруглые створки ворот заскрипели, и путники один за другим стали заезжать вовнутрь.

Брат Умберто мало что смог разобрать в ночной темноте.

Новый город был во много раз меньше Старого Рас-Халейна, и его узкие сонные улочки вскоре остались позади. Дома неожиданно расступились, и послушник ощутил незнакомый, солоноватый запах. Сухой воздух пустыни сделался вмиг влажным, издали слышались плеск волн и мерный скрип дерева – путники выехали на широкую набережную. С изумлением смотрел брат Умберто на бескрайние темные воды, на ленивые волны, тихо разбивающиеся о сваи причалов, и на диковинные лодки огромных размеров с высокими бортами и несколькими мачтами на каждом. Рощей растущих из воды деревьев казались они обескураженному послушнику. Впервые в своей жизни брат Умберто видел морские корабли.

– Что угодно святым отцам и... и их спутнице? – любезно спросил невысокий пожилой моряк, с любопытством поглядывая на путников, особенно на девушку. – Ван Март, помощник начальника порта, – приложив руку ко лбу, представился он.

– Скажите, не видели ли вы такого толстяка со слащавой улыбочкой, пониже вас ростом, в коричневой рясе? – озабоченно спросил Винциус.

– Да-да-да, был такой! – радостно закивал головой Ван Март. – Вот только чуть-чуть вы не успели, ваши святости. Во-он, видите огни? Это «Алатея», всего за десять минут до захода солнца успела выйти из порта – словно поджидала вашего друга.

– А куда идет «Алатея»? – Брат Винциус скривился, услышав о «друге» Отусе.

– В Колкарн, конечно, – почему-то удивился Март. – А вас, стало быть, они не дождались?

– Не дождались, – мрачно процедил Винциус. – А скажи, сын мой, можем ли мы сегодня отплыть в Колкарн?

– Что вы, и солнце давным-давно село, да и отлив начался. А вот завтра – пожалуйста. «Звезда Востока» к вашим услугам. А если скажете капитану, что вас старый Март прислал, так он самые лучшие места предоставит, уж не сомневайтесь!

Акт III

Глава 9

Объятия Колкарна

Тихо поскрипывала палуба. Корабль, подгоняемый слабым бризом, переваливаясь с одного бока на другой, медленно двигался к цели. Брат Умберто, стоя на носу и ухватившись рукой за натянутый канат, с жадным любопытством смотрел на приближающуюся землю. Уже видны были высокие, обрывистые берега, вершины которых утопали в зеленом море деревьев. Ближе к берегу из воды торчали десятки островков – высоких скал причудливой формы, также увенчанных непроглядными зелеными зарослями. Вдали справа, еще на грани видимости, в море уходила скалистая коса, на самом конце ее примостилась башенка с причудливым навершием, которую моряки называли маяком. Тут и там, вдоль всего берега, по синевато-зеленоватым водам залива плыло с десяток небольших кораблей и рыбацких лодок.

Долгое морское путешествие почти подошло к концу. За месяц путешественники натерпелись всякого – и ужасающие штормы, когда огромные валы, казалось, готовы были поглотить небольшое судно, и утомительные дни штиля, когда паруса уныло обвисали вдоль мачт, не колеблемые даже малей-

шим ветерком.

Самым же мучительным оказалась качка – и если брат Умберто смог привыкнуть к ней уже на третий день плавания, то у крепкого брата Винциуса, как ни странно, ушло на это дней десять, а Анти так и не привыкла и целыми днями пластом лежала в небольшой каюте.

Однако время, ушедшее на дорогу, было потрачено не зря. Едва брат Винциус достаточно оправился, он тут же вернулся к усиленным тренировкам с братом Умберто, постоянно помогая тому развивать свою духовную силу. Да и сам юноша тоже старался изо всех сил – так что теперь он мог защитить себя от огня и воды, смягчить удар рукой или оружием, рассеивать и создавать мороки. Мог исцелить раненого или облегчить страдания умирающего. Мог в несколько раз увеличить свои силу и скорость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.